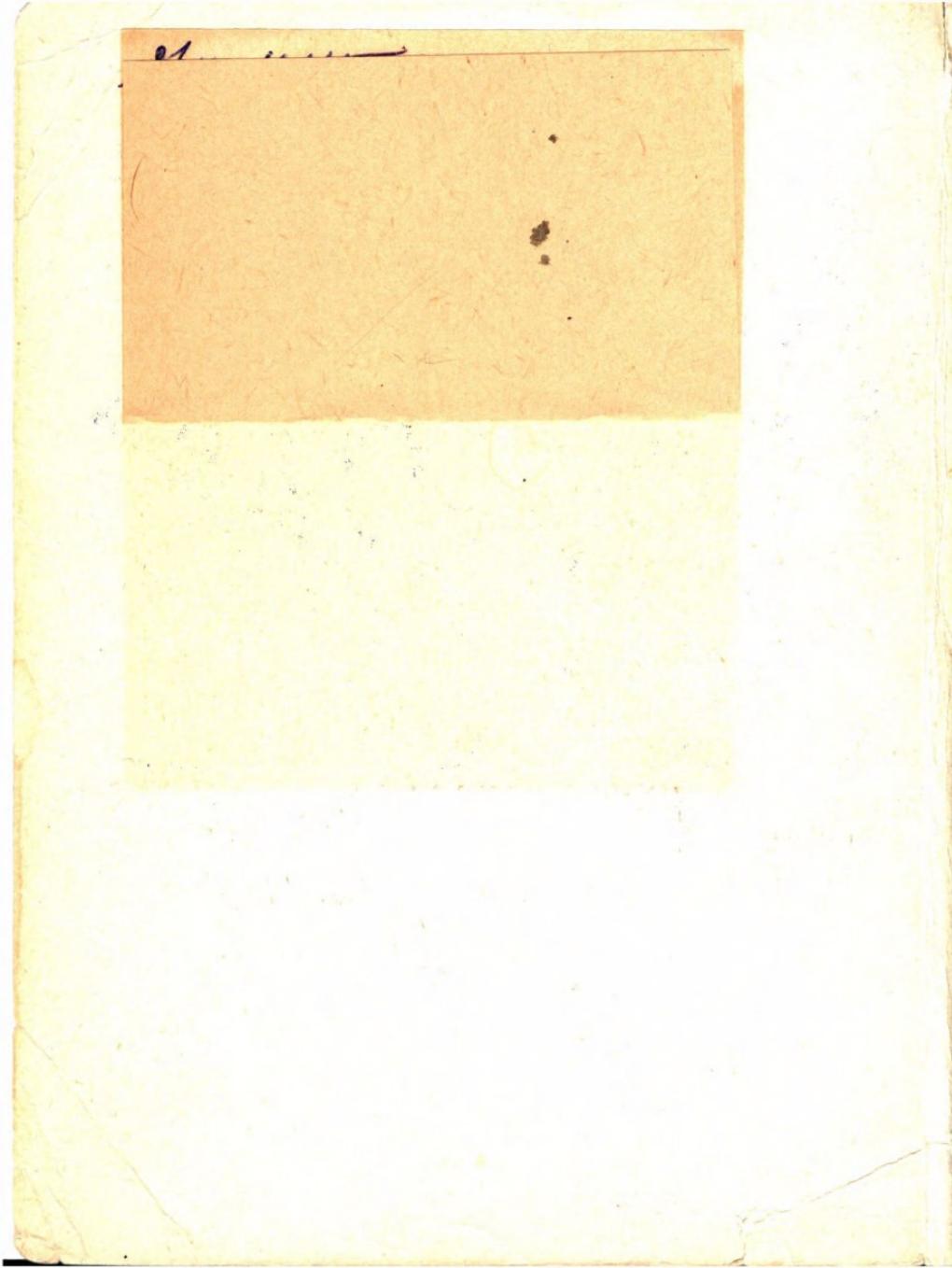

03.3(45)5 26
№ 28

ЖК НАСЫМБАЕВ

Под
надежную
защиту
России

КАЗАХСТАН

Ж. ҚАСЫМБАЕВ

Под
надежную
защиту
России

АЛМА-АТА
«ҚАЗАХСТАН»
1986

63.3 (2K)

К 28

Касымбаев

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

24.12.87 —

Рецензенты —

доктор исторических наук Н. В. Алексеенко,
доктор исторических наук А. С. Елагин,
доктор исторических наук У. Х. Шалекенов.

Касымбаев Ж. К.

К 28 Под надежную защиту России.— Алма-Ата: Ка-
захстан, 1986.—136 с.

В книге освещена роль русских укреплений, основанных в XVIII веке на востоке страны, в развитии русско-казахских отношений в период добровольного вхождения казахских земель в состав России. На большом архивном материале показано значение крепостей и городов в ограждении казахов от джунгарской агрессии и экспансиионистских устремлений Цинской империи и упрочении торгово-экономических взаимоотношений между Россией и Казахстаном.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К 0505040000—14
401(05)—86 33—85

63. 3(2K)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1986.

В В Е Д Е Н И Е

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии было констатировано, что в нашей стране «происходят расцвет и взаимообогащение национальных культур, формирование культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности»¹. Историческая общность людей возникла в многонациональной стране, и ее корни уходят в далекое прошлое.

Как указывалось в постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана «О 250-летии добровольного присоединения Казахстана к России», «присоединение к России Казахстана способствовало активизации хозяйственной и общественно-политической жизни края, ускорило ломку патриархально-феодальных устоев, освоение природных богатств, создание очагов промышленности, развитие земледелия»².

Огромную роль в укреплении экономических, социально-политических и культурных связей между различными территориально-экономическими районами России сыграли города, в которых в первую очередь концентрировались производительные силы, учреждения народного образования, науки и т. д. В материалах по истории городов одновременно ярко прослеживается история края, области, республики, характерные особенности и этапы развития общественной мысли и политической жизни. Без изучения истории городов, городской жизни невозможно объяснить и многие явления жизни кре-

стьянства, нельзя с достаточной полнотой представить себе социально-экономическую историю народа в целом.

О возрастающем интересе советских историков к этой проблеме свидетельствовала организация всесоюзной научной конференции «Об опыте написания истории городов и сел, фабрик и заводов, колхозов и совхозов СССР», которая была проведена в мае 1972 г. в Киеве Институтом истории СССР АН СССР и Институтом истории АН УССР с участием представителей всех союзных республик. Конференция подчеркнула важность комплексного изучения проблем истории городов и предприятий³.

Ленинские труды являются блестящим примером строго научного подхода к решению сложных и многообразных проблем истории национальных окраин бывшей царской России. Научное наследие В. И. Ленина содержит глубокие мысли по проблеме городов, о роли и месте городских поселений в преобразовании сельского окружения. «Города,— писал В. И. Ленин,— растут вдвое быстрее, чем остальное население»⁴. А в статье «Новейшие данные о партиях в Германии» В. И. Ленин определил место городов так: «...города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»⁵.

Все это в известной мере относится к таким крепостям, как Ямышевская, Железинская, Павлодарская (Коряковская), Усть-Каменогорская, Бухтарминская, Семипалатинская, Зайсан и другие, возникшие в период добровольного вхождения казахских земель в состав России и впоследствии переросшие в города.

Академик Е. М. Жуков, определяя задачи, стоящие перед историками, занимающимися изучением проблем дооктябрьского периода истории Сибири и Дальнего Востока, еще несколько десятилетий назад обращал внимание на необходимость выявления общности истори-

ческих судеб русского народа и нерусского населения Сибири и Дальнего Востока: «...показ прогрессивного характера присоединения Сибири и Дальнего Востока — важная задача исторической науки»⁶.

Значительный интерес представляет мнение и академика П. Н. Федосеева: «Конечно, объединение народов в дореволюционной России было сложным и противоречивым процессом. Наряду с актами добровольного присоединения, как это было в отношении казахского и многих других народов, были факты присоединения и под давлением, навязывались принудительные соглашения, были и прямые завоевания. Раскрывая процесс объединения народов в дореволюционной России, показывая прогрессивное значение этого процесса в целом, советские ученые не идеализируют историю, а освещают ее во всей сложности и противоречивости»⁷.

В данной связи некоторые проблемы истории добровольного присоединения Казахстана к России и его прогрессивное значение могут быть уточнены на основе конкретного анализа вопросов, отражающих возникновение крепостей и городов в результате взаимодействия целого ряда факторов в ходе развития экономических и политических отношений между этими двумя государствами. Редакторы второго тома научных трудов известного советского историка С. В. Бахрушина — Н. В. Устюгов и Л. В. Черепнин — указывали на то обстоятельство, что «...нельзя недооценивать значения оборонительных сооружений и их роли в деле устройства новопоселенцев на местах их поселений и обеспечения их безопасности, защиты от набегов степных кочевников»⁸. Всестороннее же исследование истории возникновения крепостей позволяет нам с достаточной научной достоверностью проследить не только причины создания этих пунктов в зависимости от различных исторических условий, но и проанализировать некоторые моменты начального пе-

риода вхождения Казахского края в состав России и показать на конкретных фактах прогрессивный характер этого процесса.

В работах Н. Г. Аполовой, И. Я. Златкина, В. Я. Басина, Б. П. Гуревича, Т. Шоинбаева⁹ и других отмечалось большое значение крепостей Восточного Казахстана в ограждении казахов от джунгарского нашествия. На территории, примыкающей к Семипалатинскуму, Усть-Каменогорскому, Ямышевскому и другим военно-опорным пунктам, находило спасение казахское население, разоренное неоднократными вторжениями джунгарских войск. Однако, несмотря на важность детальной разработки указанного вопроса, специальные работы, посвященные ему, отсутствуют. Одна из целей настоящей книги — максимально подробный анализ роли Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Ямышевской и других крепостей в защите казахов Среднего жуза от джунгарских поработителей, в присоединении Среднего жуза к России.

Возникшие как укрепленные пункты и имевшие первоначально в основном военно-политическое значение эти крепости по мере развития все более приобретали также характер центров торговли России с казахами и другими народами Средней и Центральной Азии. Не случайно крепости Восточного Казахстана были заложены в удобных для развития торгово-экономических отношений местах. Торговля вскоре превратилась в определяющий фактор в историческом развитии Ямышевской, Усть-Каменогорской, Бухтарминской, Семипалатинской, Железинской крепостей и превращении ряда из них в города. Эти поселения стали играть все более важную роль в упрочении политических, культурных взаимосвязей между Россией и Казахстаном.

Таким образом, изучение истории крепостей и других военно-опорных пунктов, возникших в самом начале XVIII в., относится к числу узловых проблем в раскры-

тии отдельных сторон или вопросов присоединения и начального периода хозяйственного освоения Восточного Казахстана. Детальный анализ этой проблемы позволяет с достаточной достоверностью выяснить объективный ход процесса добровольного вхождения казахских земель в состав России, развития и укрепления русско-казахских отношений, дает возможность разоблачить «...измышления буржуазных историков, рассматривающих историю освоения Сибири (а также Восточного Казахстана, где возникли Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская и другие крепости — Ж. К.) как колониальное завоевание и отрицающих общность исторического развития сибирских народов и русского народа»¹⁰.

Отдельные сведения, касающиеся вышеупомянутых событий или вопросов, еще до Октябрьской революции публиковались в работах А. Шеманского, В. К. Андриевича, Н. Абрамова, П. Словцова, В. П. Никитина, И. Земляницина и других авторов¹¹. Сосредоточены также в них интересные статистические материалы о торговле России через Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую, Ямышевскую и другие крепости со среднеазиатскими народами. Определенный интерес представляют фактические данные по вопросам русско-джунгарских отношений в 20—50-х гг. XVIII в.

Вместе с тем, в работах этих исследователей не вскрываются истинные цели царского правительства при создании военно-опорных баз. Необъективно показаны причины и условия превращения их в крупные для того времени центры торговых и политических отношений. Больше того, в них неверно освещен начальный период присоединения Казахстана к России, нечетко выяснена роль крепостей в осуществлении этого процесса. Фактически в них оправдываются все аспекты политики Российской империи, апологетически освещаются политические, экономические интересы царизма в установле-

нии торговых связей с казахскими родами Среднего жуза.

Привлекая содержащиеся в самых различных работах материалы, мы учитывали, конечно, порочность методологии дворянско-буржуазной историографии, особенно заметно проявляющейся в группировке и освещении фактов и исторических событий, в нежелании или неумении провести объективный анализ при сопоставлении различных источников.

В наши дни в работах А. С. Елагина, К. А. Пищулиной, Э. И. Герасимовой, Б. И. Чемирбаевой, А. А. Горячевой и других освещена история отдельных городов, возникших в разное время на рубеже России и Казахстана или в пределах кочевий казахских скотоводческих племен, в связи с добровольным присоединением Казахстана к России, что является подтверждением возрастающего внимания казахстанских исследователей к этой проблеме¹². Хотя эти города не относятся к исследуемому нами региону, знакомство с этими работами полезно как для специалиста, так и для широкого читателя.

Одной из первых и значительных по содержанию работ, в которой наряду с другими вопросами в той или иной степени затрагивались некоторые моменты истории Усть-Каменогорской, Ямышевской, Семипалатинской, Коряковской (Павлодарской), Железинской и других крепостей, было исследование Р. М. Кабо «Города Западной Сибири» (М., 1949). Однако, как отметил затем Ю. Р. Клокман¹³, работа Р. М. Кабо носит экономико-географический характер и в основном опирается на литературные сведения, архивные данные в ней отсутствуют. Мы согласны с этой оценкой.

Определенный интерес по этой теме представляют две работы, посвящавшиеся 250-летним юбилеям городов Семипалатинска и Усть-Каменогорска.

В брошюре «Семипалатинску — 250 лет»¹⁴ описыва-

ются некоторые вопросы истории города. Но интересующему нас периоду XVIII — первой половины XIX вв. отведено очень скромное место, и в целом она носит популярный характер. Истории города Усть-Каменогорска посвящена подобная же брошюра профессора Н. В. Алексеенко¹⁵. Значительный интерес представляет коллективная монография ряда ученых по истории Семипалатинска¹⁶, в которой освещена роль города в экономическом и культурном развитии Восточного Казахстана в дореволюционный период, а также исследованы вопросы и основные этапы социалистического строительства в послеоктябрьский период. Отдельные моменты рассматриваемой проблемы нашли отражение в публикациях автора этих строк¹⁷.

Специального монографического исследования по данной теме до сих пор не было осуществлено. Не введены в научный оборот и не подвергнуты анализу и научному обобщению многие имеющиеся в различных архивохранилищах материалы. В результате полностью не изучена и не выявлена история строительства крепостей, их роль в защите казахского населения от джунгарского нашествия, крайне недостаточно показано значение Ямышевского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского, Коряковского и других укреплений в установлении и дальнейшем развитии русско-казахских отношений. Практически не разработан вопрос о создании первых школ и других учебных заведений в городах Восточного Казахстана. В данной работе делается попытка восполнить указанные пробелы. Особый упор при этом делается на углубленное освещение роли крепостей Восточного Казахстана в укреплении русско-казахских отношений в период освободительной борьбы казахского народа против джунгарских завоевателей.

Из многообразного фактического материала, говоря словами В. И. Ленина, мы и попытались «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на ко-

торый можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» и «примерных рассуждений»¹⁸.

Источниковедческую основу книги составили материалы, выявленные в Центральном государственном архиве КазССР: фонды: 630 — Ямышевская комендантская канцелярия, 345 — Областное управление сибирскими киргизами, 64 — Канцелярия Степного генерал-губернатора, 15 — Семипалатинское областное управление, 374 — Пограничное управление сибирскими киргизами, 478 — Семипалатинская таможня, 341 — Бухтарминская пограничная таможня Сибирского таможенного округа Министерства финансов (1820—1865 гг.), 798 — Павлодарская таможенная застава Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1841—1862 гг.), 799 — Усть-Каменогорская таможенная застава Департамента таможенных сборов Министерства финансов, 212 — Томское горное управление; в Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР): ф. 1264 — Первый Сибирский комитет (1810—1838 гг.), 1265 — Второй Сибирский комитет (1852—1864 гг.), 13 — Департамент Министерства коммерции, 1291 — Земский отдел Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 733 — Департамент Министерства народного просвещения, 19 — Департамент внешней торговли; в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, фонды: 1450 — Управление Западно-Сибирского военного округа, 483 — Военные действия в Средней Азии; ВУА (Военно-ученый архив), ф. 414 — Статистические сведения о Российской империи; в Государственном архиве Омской области, фонды: 3 — Главное Управление Западной Сибири, 366 — Г. Е. Катанаев, 1 — Военно-походная канцелярия Главного коменданта Сибирского корпуса, 6 — Штаб отдельного Сибирского округа; в Государственном архиве Новосибирской области: ф. 869 — профсоюзное движение в Сибири (коллекция документов); в Государственном архиве Оренбургской области, фонды: 166 — Генс Григорий Федорович, 3 — Оренбургская губернская канцелярия (1744—1782 гг.); в Государственном архиве Алтайского края, фонды: 132 — Семьянов Порфирий Евгеньевич, 163 — Гуляевы (Иван Степанович, Николай Степанович), 81 — Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, 136 — Няшин Григорий Дмитриевич; в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), фонды: 397 — Комиссия о коммерции и о пошлинах, 199 — Портфели Г. Ф. Миллера, 24 — Сибирский приказ и управление Сибирью, 276 — Государственная коммерц-коллегия, 248—1-й Департамент Сената; в Архиве Всесоюзного географического общества СССР (АВГО СССР), разряд 55 — Рукописные мате-

риалы членов РГО, разряд 69 — Семипалатинская область, 64 — народы Сибири; в Государственном архиве Томской области, фонды: 2 — Канцелярия Томского губернатора, 3 — Томское губернское управление, 125 — Главный инспектор училищ Западной Сибири.

Названные источники и другие материалы самой различной ценности и достоинства, собранные, составленные лицами различного политического направления, взглядов, общественного положения и социального происхождения и в разные периоды, явились вполне достаточной базой для воссоздания истории возникновения, развития российских крепостей в Восточном Казахстане. Преимущественное внимание при этом мы уделяем выяснению роли их в защите казахов-кочевников от внешних вторжений, да и вообще в развитии русско-казахских экономических и культурных взаимосвязей в сложных условиях того времени.

Объектом исследования явились города и поселения Восточного Казахстана: Семипалатинск (1718 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Бухтарма (1761 г.), Кокпекты (1824 г.), Аягуз (1831 г.), Зайсан (1864 г.). С давних времен Ямышевск (1716 г.), Павлодар (1720 г.), Железинск (1717 г.), Каркаралинск (1824 г.) были связаны с Восточным Казахстаном. Это дало и нам основание включить их в объект изучения.

НА РУБЕЖЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

История возникновения Ямышевской, Железинской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и других крепостей в XVIII в. неразрывно связана с историей присоединения Казахстана к России и с развитием русско-казахских отношений на протяжении многих десятилетий.

Добровольному присоединению Казахстана к России предшествовали длительные экономические и политические связи между ними. Русское государство уже в XV в. проявляло большой интерес к своему соседу — Казахстану. Это было обусловлено глубокими причинами, связанными с социально-экономическим и политическим развитием Русского государства. По мере централизации и усиления государственной власти значительно возросли возможности торгового обмена и других отношений с народами, соседствующими с восточными окраинами.

Распад ханства Кучума и постепенное присоединение к России Западной Сибири, Казанского и Астраханского ханств, установление Камского торгового пути, ведшего в Сибирь и казахские степи, создавали все более благоприятные возможности для развития русско-казахских отношений. Интерес русского государства к Казахстану особенно возрастает в конце XV—XVI вв., когда после установления торговых и дипломатических отношений России со среднеазиатскими ханствами через казахские степи шла «транзитная» торговля русских

с городскими ремесленными центрами Хивы и Бухары. Всего в конце XVI—XVII вв. через казахские степи прошло 44 посольства из Бухары и Хивы в Россию и 9 российских посольств в среднеазиатские ханства. Некоторые из них были многолюдны и везли большое количество товаров. Например, посольство Ходжи Науруза (1613 г.) состояло из 300 человек, посольство Хаззия (1640 г.) из 200 человек и сопровождалось караваном в 100 груженых верблюдов. Торговые караваны из Средней Азии направлялись через казахские степи к Астрахани, вверх по Волге к Саратову, Самаре, Казани и другим русским городам. Среднеазиатские торговые караваны шли также в Сибирь через казахские степи: из Бухары через Сырдарью, Туркестан, вдоль Сарысу, мимо Улутау к верховьям Ишима, а затем по Иртышу до Тобольска.

Русское государство, заинтересованное в развитии транзитных торговых путей со среднеазиатскими ханствами через Казахстан и стремившееся обеспечить безопасность прохождения купеческих караванов, проходивших через казахские степи, проявляло живой интерес к политической обстановке и взаимоотношениям казахского ханства с соседними странами. Поэтому и московские государи стремятся к установлению непосредственных связей с казахскими ханами, о чем свидетельствует, в частности, отправленное в казахские степи в 1573 г. посольство Чебукова, которое имело задачу наладить торговые связи с казахами. Русское государство всячески поощряло развитие торговых и других отношений с казахами и другими «азиатскими» народами. Так, жалованной грамотой, данной Иваном IV промышленникам Строгановым в 1574 г., им разрешался беспошлиный торг с бухарцами, казахами и другими азиатскими торговцами.

Но эти отдельные, иногда случайно принятые меры, разумеется, не могли содействовать эффективному раз-

витию торговых и политических отношений. К тому же основное внимание Ивана Грозного тогда было обращено на запад: занятый Ливонской войной, а позже внутренними делами — борьбой со своими политическими противниками, царь не мог уделить много внимания далекой азиатской окраине. Чтобы обеспечить безопасные меновые связи с соседями, постоянно стремившееся к освоению земель за Уральским хребтом русское государство, наряду с продвижением землепроходцев, торговых людей, посольств и военных отрядов, приступило к весьма интенсивному строительству укрепленных пунктов — крепостей на своих восточных окраинах, в частности в Западной Сибири.

Первым поселением, первым русским городом на территории Западной Сибири, расположенным невдалеке от границ Казахстана, был построенный в 1585 г. «Городок Обский большой» на правом берегу Оби при впадении в нее Иртыша. Просуществовав 10 лет, городок был разрушен в 1594 г. Но и за короткое время своего существования он послужил исходным пунктом для дальнейшего продвижения русских отрядов далее в глубь Сибири. После распада Сибирского царства русские военные отряды заняли земли в низовьях Иртыша и Оби и построили там города: Тюмень — в 1586 г.², Тобольск — в 1587 г.³, овладели всей Барабинской степью. В 1594 г. русское правительство основало на границе бывшего Кучумовского ханства город Тару⁴, явившийся одним из опорных пунктов продвижения по Иртышу.

Тарский острог служил промежуточным пунктом между Тобольском и Томском, осуществлял контроль над Барабинской степью, в которой жили прежние обитатели Сибири, вступившие в русское подданство. С другой стороны, Тарский острог являлся коммуникационным пунктом для дальнейшего продвижения по Иртышу.

Татарский князь Таян, живший в верховьях Томи, в 1604 г. отправился лично в Москву и обратился к Бо-

рису Годунову с просьбой, «чтобы его со всем его родом приняли в подданство России»⁵. При этом он изъявил согласие на постройку русских крепостей на подвластных ему землях, обещая всеми мерами способствовать приведению в русское подданство соседних племен. Предложение Таяна было принято, и в этом же году на правом берегу Томи русские основали город, получивший название Томск⁶.

С возникновением городов на границе с казахскими степями появились возможности обмена продуктов казахского скотоводческого хозяйства на русские товары. Дальнейшей задачей царского правительства было — приступить к освоению Верхнего Иртыша, чтобы, кроме всего остального, реализовать появившиеся возможности меновых отношений с казахскими племенами и вместе с тем создать перевалочные пункты для развития так называемой «азиатской торговли», издавна привлекавшей пристальное внимание и интересы царизма, русских купцов и разного рода предпринимателей.

Первой конкретной побудительной причиной появления русских на Иртыше явилась необходимость в добывче соли из Ямышевского озера (близ современного Павлодара). Первое известие о соляных озерах в этом районе мы находим в наказе 1594 г. о строительстве города Тары, напечатанном в «Описании Сибирского царства» Г. Ф. Миллера. В этом наказе, между прочим, предлагалось «...взять на расход разным людям 70 пудов соли, к этому прибавку послать из нового города на Таре на озеро на Ямыш и велети соли привезти на стругах»⁷.

В начале XVII в. соляной торг здесь был свободным и добывание соли производилось, главным образом, тарским жителями и казахами⁸. Тарским воеводам удалось не только добраться до соляного Ямышевского озера, но и вывозить оттуда ежегодно по нескольку тысяч пудов соли в Тобольск⁹. О соляных богатствах, «из

которых снабжалась в те времена почти вся Сибирь», привлекавших внимание служилых людей, купцов и промышленников России, упоминается и в описаниях путешествий русского посла в Пекине Н. Спафария¹⁰.

Появление промысловых и служилых людей у Ямышевских озер встретило противодействие со стороны джунгар, которые с 1610 г. временно завладели степными озерами. В 1611 г. джунгары не пропустили в степь мелкие команды, шедшие за солью для населения городов Тары, Тобольска и др.¹¹ Поэтому русское правительство с 1613 г. стало посыпать для добычи соли почти ежегодно значительные команды из городовых казаков. И, кроме того, чтобы избегать в дальнейшем столкновений, правительство начало переговоры с джунгарскими князьями¹².

В 1613 г. первая значительная команда в несколько сот тарских, тобольских и тюменских казаков была сформирована под началом ротмистра, казацкого атамана Барташа Станиславова. Она благополучно проследовала на дощаниках вверх по Иртышу до самого Ямыш-озера, и, нагрузившись солью, таким же порядком возвратилась в Тару¹³. Здесь же производилась и меновая торговля русских торговцев с восточным купцами.

В 1618 г. русское правительство царя Михаила снарядило экспедицию под началом Л. В. Воронцова, которая в районе верховьев Ишима нанесла серьезное поражение напавшим на нее потомкам Кучума — царевичам, находящимся в близких связях с Джунгарией¹⁴. Заинтересованность русского правительства районом соляных озер особенно повысилась после того, как в 1624 г. начальником еще одной соляной экспедиции к Ямыш-озеру тобольским казацким атаманом Грозою Ивановым совместно с боярским сыном Дмитрием Черкасовым были привезены в Тобольск образцы алебастра, обнаруженные в 30 верстах к югу от Ямышева озера и принятые в первое время за драгоценную по тем вре-

менам слюду. Москва дала распоряжение тобольским властям «доподлинно проведать» эту слюду и разведать места будущего укрепления для охраны соляного озера и других местных богатств. Исполнение правительственно предписания было возложено на тех же Грозу Иванова и Дмитрия Черкасова, которые в 1626 г. после очередного посещения озера представили докладную и чертежи его окрестностей. Служилые люди отмечали многочисленность джунгар в районе озера, и видимо поэтому правительство временно отказалось от плана строительства острога, но продолжало и впредь посыпать военные отряды за солью¹⁵.

В 1634 г. военный отряд джунгар численностью до 7 тысяч напал на русских, добывающих соль в озере, и принудил их отступить¹⁶. Потомки Кучума, породнившись с джунгарскими тайшами, постоянно натравливали их против исконных врагов своего знаменитого деда.

Но отдельные неудачи не приостановили распространение в этих местах влияния русского государства, как более экономически и политически развитого. Кочевые же племена и народы постоянно враждовали между собою и к тому же испытывали все возрастающий агрессивный написк со стороны усилившегося к началу XVII в. Джунгарского ханства¹⁷. Агрессивные происки джунгарских правителей вынуждают как казахских ханов, так и русское правительство объединить свои усилия против этой угрозы. Правда, русское государство не располагало в это время возможностью для вооруженной борьбы на своих южных границах и охотно шло на мирное разрешение всяких конфликтов. К тому же во второй половине XVII в. в России прошла волна антифеодальных выступлений, среди которых выделяется восстание 1670—1671 гг. Ослабили страну и неудачные Крымские походы 1678 и 1689 гг. Все это сдерживало осуществление мероприятий по устройству и дальнейшему укреплению южно-сибирских границ. К тому же

обстановка в казахских степях постоянно менялась в зависимости от успехов или поражений джунгар в борьбе с казахскими племенами и другими среднеазиатскими народами.

В 1691 г. в Джунгарию из Тобольска был послан боярский сын Матвей Юдин для переговоров относительно пользования солью из Ямышевского озера и о прекращении взыскания ясака джунгарами с подвластных России «азиатцев»¹⁸.

Созданием новых острогов и крепостей русскому правительству удалось к концу XVII в. потеснить беспокойных и непокорных кочевников к югу, ослабить временно их напор.

Торговцы, члены посольств¹⁹, путешественники, возвращаясь из Сибири в русские города, приносили первые достоверные, а порою и баснословные сведения об «азиатских странах», лежавших за Иртышом. В конце XVII — начале XVIII вв. много рассказов распространялось о «золотых россыпях» в городе «Еркети» (теперь Яркенд — Ж. К.). Это отвечало нараставшим потребностям России в природных ресурсах, особенно в золоте²⁰, что в известной степени было связано с затяжной и тяжелой для России войной со Швецией.

Экономический подъем России обусловил рост ее торговых связей с другими государствами, включая и страны Востока. В своей восточной политике Петр I придавал Казахстану первостепенное значение, так как экономическое и политическое освоение казахских степей открывало перед русским торговым капиталом рынки Востока. «Всем азиатским странам и землям,— говорил Петр I,— оная орда ключ и врата; и той ради причины оная орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороне полезные способные меры взять»²¹.

Петр I был намерен установить широкие экономиче-

ские связи с крупными государствами Азии, к числу которых относилась и Индия. По справедливому выражению Е. В. Тарле, «... речь шла о торговле, а не о покорении далекой колоссальной страны с ее пестрым и огромным населением»²². Утверждение же отдельных зарубежных исследователей о том, что якобы при Петре I «политика завоевания» и «жажда новых захватов на востоке»²³ особенно усилились, не выдерживает критики.

Обострение русско-джунгарских отношений произошло в связи с авантюристическими планами сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, стремившегося овладеть районом Яркенда. Он писал Петру I о том, что «городок калмыцкой Эркети, под которым на реке Дарье промышляют песочное золото, в расстоянии от Тобольска, по сказке эркетских жителей, что доходят из Эркета до Тары, в пол-третия месяца несколькоюездою»²⁴.

На самом же деле город Яркенд находился в западной Джунгарии, и не на Дарье, а на одноименной речке Яркенд. М. П. Гагарин увидел продаваемое песочное золото еще в Тобольске, и жители сказали ему, что это самородное золото, которое «перенимают в реке под Эркетом коврами и сукнами». Впоследствии историк Г. Ф. Миллер утверждал, что часть этого золота он видел в Петербургской кунсткамере²⁵. М. П. Гагарин стремился заинтересовать царя в организации экспедиции, убеждал его в необходимости на пути от Тобольска до легендарных золотых россыпей построить русские крепости: первую близ Иртыша и далее, «другую же там, где потребуется по ходу дела».

При этом М. П. Гагарин явно недооценивал тот факт, что речь шла о территории, большая часть которой контролировалась джунгарским владельцем (хунтайши) Цэван-Рабтаном, добившимся в этот период заметных военных и политических успехов и не собиравшимся

уступать своего влияния в этом стратегически важном районе.

Получив донесение М. П. Гагарина, Петр I, находясь в Кронштадте с кораблями, готовившимися к морскому сражению со шведским флотом, 22 мая 1714 г. на галере «Святая Наталья» собственноручно подписал указ о снаряжении экспедиции под начальством подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца «для завладения тех мест, где имелось песочное золото»²⁶. В этом указе И. Д. Бухгольцу предписывалось «...для того ехать в Тобольск и взять там у помянутого губернатора 1500 военных людей и с ними идти на Ямыш-озеро, где ... делать город и пришед к тому месту, помянутых людей в той новостроенной крепости и около нее, где возможно, там расставить на зимовье для того, чтобы на будущую весну, собравшись с теми людьми, пойдете от Ямышево к Эркетю... Также в некоторых местах, а именно при реках... делать редуты... И проведайте подлинно, каким образом и в некоторых местах по Дарье реке тамошние жители золото промышляют... сыскать несколько человек из шведов, которые в минералах разумеваю»²⁷. Таков первоначальный, основной текст приказа, излагавшегося впоследствии в нескольких вариантах. Этим указом, по сути дела, и было положено начало созданию прииртышских крепостей, «строительство которых продолжалось от 1714 по 1720 год»²⁸.

В августе 1714 г. И. Д. Бухгольц выехал из Москвы и 13 ноября того же года прибыл в Тобольск²⁹, где началась усиленная подготовка к снаряжению отряда. Людей набирали в Томске, Тюмени, а также в окрестных селениях. Организаторы экспедиции придавали немаловажное значение усилению вооружения создаваемого отряда. Так, например, по данным, приведенным в исследовании В. К. Андреевича, только артиллерийских орудий было взято около 70³⁰. В составе экспедиции было много пленных шведских офицеров, а также рус-

ских торговцев, непосредственно заинтересованных в освоении нового пути на Восток.

Одновременно к Цэван-Рабтану были посланы специальные представители сибирского губернатора Василий Чередов и Тимофей Этигер с целью разъяснить, чтобы «он, хунтайша, от посланных царским величеством людей никакого опасения не имел»³¹.

После завершения всех приготовлений военно-дипломатического характера в июле 1715 г. отряд И. Д. Бухгольца, имея в составе 2 797 человек — драгун, солдат, офицеров и мастеровых — выступил в поход³².

1 октября 1715 г. экспедиция, достигнув Ямышевского озера, вблизи которого издавна производилась меновая торговля между джунгарами, казахами и сибирскими татарами, приезжавшими из Тобольска, Тары и Томска, согласно инструкции Петра I заложила крепость, названную Ямышевской. До этого самым крайним укреплением на Иртыше была слобода Чернолуцкая, а пограничным пунктом русских владений считалось Ямышевское озеро. Строительством Ямышевской крепости руководил шведский артиллерийский поручик Каландер³³. Она состояла из вала, рва, на который установили пушки, была обнесена рогатками.

Джунгарский хунтайша Цэван-Рабтан, получив известие о постройке крепости и намерении отряда И. Д. Бухгольца продолжать свой поход далее, отправил против него своего двоюродного брата Цэрэн-Дондoba с войском в 10 тысяч человек³⁴. Не добившись успеха при внезапном нападении, джунгары потребовали от Бухгольца удалиться с контролируемой ими территории. Получив отказ, обложили крепость и решили держать ее в осаде до тех пор, пока у русских кончатся запасы пищи и они сами будут вынуждены оставить ее.

В декабре 1715 г. И. Д. Бухгольц послал Петру I донесение о положении дел и о трудностях, с которыми он столкнулся. Его донесение царь получил в Копенгагене,

оттуда 4 февраля 1716 г. отправил ответ, свидетельствующий о том, какое значение он придавал этой экспедиции даже во время войны со шведами. «Губернатору князю Гагарину при отпуске Вашем дан о всем полный указ... ему велено нарочно до тех дел к Вам съездить и о всем подлинно определить, о чем и ныне к нему с подтверждением писали с корабля «Ингерманланд» от Копенгагена»³⁵.

В письме к И. Д. Бухгольцу от 21 февраля 1716 г. Цэрэн-Дондобр вновь предлагал ему удалиться, угрожая в противном случае принудить к тому И. Д. Бухгольца «голодом и силою». Бухгольц же, помнивший наказ Петра I и инструкцию М. Гагарина быть твердым в достижении своих целей, подчеркивая свою решимость не покидать укрепление, отвечал, что «нарушать мира не намерен и крепость построил по повелению государя на такой земле, которая Джунгарии не принадлежала, угроз же не боится и, при достаточных запасах, дождавшись помощи, посмотрит, как будет Цэрэн-Дондобр препятствовать воле государевой», причем советовал джунгарам отступить, считая это единственным условием для сохранения мира³⁶. Хотя письмо написано в тоне уверенности в своих силах, положение отряда было критическим. Ведь подкрепление, которое обещал царь через М. П. Гагарина, так и не прибыло. Джунгары взяли в плен караван с продовольствием и деньгами, который был послан на помощь осажденным из Тобольска. При этом солдата гренадерской роты Петербургского полка И. Лычагина жестоко пытали, рассекли голову саблей, дали двести плетей, спрашивали, где «пороховая казна», сколько с Бухгольцем силы есть. На это Лычагин, сознательно преувеличив, ответил, что людей в отряде Бухгольца шесть тысяч. Вторично пленен был Иоганн Густав Ренат, сержант шведской артиллерии, ранее взятый в плен русскими в Полтавском сражении. Он составил впоследствии известную в науке XVIII в. карту Джунгарии³⁸.

Для улаживания конфликта М. Гагарин в феврале 1716 г. направил к Цэван-Рабтану В. Чередова. Но джунгарский хан и слышать не хотел о приеме русского посла и продержал его у себя под стражей пять лет³⁹.

Изнуренный распространившимися среди солдат болезнями (по мнению известного историка Н. И. Веселовского, это была сибирская язва, уносившая ежедневно по 20—30 человек)⁴⁰ и недостатком продовольствия, отряд Бухгольца, состоявший теперь всего лишь из 700 человек, срыв крепость, 28 апреля 1716 г. поплыл обратно по Иртышу⁴¹.

Итак, предпринятая по личному указанию Петра I экспедиция не дала ожидаемого результата, хотя и позволила русскому государству держать под своим контролем территорию вдоль Иртыша на протяжении около 800 верст⁴².

В чем же причины неудачи отряда Бухгольца? Экспедиция не достигла цели прежде всего потому, что М. П. Гагарин, видимо недолюбливавший Бухгольца, не сумел или не захотел убедить джунгарских правителей, что действия отряда не затронут их интересов. Бухгольц же еще зимой 1715 г. посыпал к Цэван-Рабтану поручика Трубникова с письмом, в котором пытался рассеять опасения относительно целей и характера экспедиции. Но Трубников попал в плен к одному из казахских родов, и письмо Бухгольца до Цэван-Рабтана не дошло⁴³.

Поскольку инициатива организации экспедиции исходила от М. П. Гагарина, вполне возможно, что последний мог желать видеть на посту руководителя создаваемого отряда «своего» человека. Бухгольц же, назначенный царем, вероятно, выглядел в глазах сибирского губернатора «чужим» человеком, что в известной степени осложняло взаимоотношения между ними. М. П. Гагарин урезал силы и средства Бухгольца до того, что последний не имел в отряде даже медика и аптеки, что особенно остро ощущалось во время эпидемических заболеваний.

Возвращаясь по Иртышу, отряд Бухгольца достиг устья Оми и 20 мая 1716 г. заложил здесь Омскую крепость⁴⁴.

Во время восьмимесячного пребывания Бухгольца в этой крепости раздоры между ним и М. П. Гагарином все росли. В результате Бухгольц «впал в немилость»⁴⁵ и, назначив комендантом Омска майора Вельяминова-Зернова, уехал в Тобольск, а оттуда в 1717 г. был отозван в Петербург для разъяснения причин неудачи предпринятой им экспедиции⁴⁶.

Все это свидетельствует о том, что организованное царским правительством в начале XVIII в. строительство ряда укрепленных пунктов на Иртыше стоило огромных усилий, потребовало значительных расходов и привело к нежелательным для России (в условиях продолжавшейся русско-шведской войны) военным столкновениям с джунгарами. Однако задачи обеспечения безопасности торговли с сопредельными странами Азии, а также необходимость защиты русских владений в Южной Сибири настоятельно требовали постройки новых и новых опорных пунктов.

М. Гагарин еще летом 1716 г. послал полковника сибирского драгунского полка Ф. Метигорова с отрядом к Ямышевскому озеру с инструкцией «дабы он возвратил то, что, по его мнению, уступил Бухгольц»⁴⁷. Ф. Метигоров восстановил и расширил Ямышевскую крепость, которая послужила в дальнейшем важным опорным пунктом для последующих продвижений русских отрядов по Иртышу.

Окрыленные этими успехами, сибирские власти еще в начале лета 1717 г. послали для постройки крепостей по Иртышу опытного офицера подполковника Прокофия Ступина с большим отрядом солдат, казаков и артиллерией⁴⁸. М. П. Гагарин при этом строго предписал П. Ступину «не затевать ссоры с джунгарами и даже при нападениях с их стороны только обороняться и стараться

убедить, что у русских нет враждебных намерений против них»⁴⁹.

Затем М. П. Гагарин организовал и отправил во главе с Павлом Северским и Василием Чередовым новые экспедиции. Отряд Северского построил в 1717 г. Железинскую крепость⁵⁰, а Василий Чередов — Колбасинскую, которая вскоре из-за недостатка жителей опустела. В это же время была основана Долонская крепость⁵¹. В. Чередов, следя далее, выбрал место для строительства новой крепости на правом берегу Иртыша, впоследствии получившей название Семипалатинской (1718 г.)⁵².

Вскоре Ямышевская и Семипалатинская крепости были сильно укреплены, раздвинуты шестиугольниками каждая с двумя башнями⁵³.

Внимание сибирских властей привлек и район озера Зайсан⁵⁴. Казак Иван Калмаков с небольшим отрядом численностью в 100 человек в 1717 г. благополучно прошел по восточному берегу Иртыша от Ямышевского укрепления до Зайсана, построил лодки и в числе первых проплыл по озеру⁵⁵. Уже упомянутый П. Ступин весною 1719 г. послал к Нор-Зайсану для «осмотра тамошних мест» экспедицию в составе капитана А. Урасова, поручика Сомова и 12 солдат. Они отправились на одной плоскодонной лодке, проплыли десять дней вверх по Иртышу между горными долинами Алтая и первыми обозрели эти места. Недостаток продовольствия заставил их возвратиться. Тем временем, опираясь на уже построенные крепости, царские власти продолжали мероприятия по созданию новых опорных пунктов.

В 1719 г. по личному указанию Петра I была организована новая экспедиция под командованием майора И. М. Лихарева. В задачу его отряда ставилось подробное обследование озера Зайсан, поиск более достоверных сведений о «золотом песке», также ему предписывалось разузнать подробности неудачи экспедиции И. Д. Бухгольца. В указе царя от 19 января 1719 г. об отправлении

майора И. Лихарева говорилось, в частности: «Ехать тебе в Сибирь и там разыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина... как доброму и честному офицеру надлежит. Между тем трудитца всеми мерами освидетельствовать по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухгольца о золоте Эркецком: подлинно ли оное есть»⁵⁶.

В источниках сохранился и другой вариант указа Петра I о снаряжении экспедиции Лихарева: «Ехать до тех крепостей, где посажены наши люди, и так разведать стараться, сколько возможно, дабы дойти возможно и там построить у Зайсана крепость и посадить людей и, как туда идучи, так и построив крепость, проводывать о пути от Зайсана-озера и Еркети, сколь далеко и возможно дойти. И там нет ли вершин наших рек, которые подались к Зайсану, а то ли бы в Дарию-реку или в Аральское море»⁵⁷.

По прибытии в Тобольск, дополнив свой отряд, майор И. М. Лихарев отправился вверх по Иртышу до Семипалатинской крепости на досчаниках, отсюда на 34 плоскодонных лодках, названных впоследствии зайсанками, отправился к озеру Зайсан⁵⁸. Состав отряда был следующий: капитан, поручик, два сержанта, капрал и 440 рядовых. Кроме того, в составе экспедиции были инженер, очевидно по фортификации, несколько бомбардиров, канониров и фузилеров⁵⁹. Кроме того, при организации экспедиции был учтен печальный опыт И. Д. Бухгольца, который, не имея медикаментов во время осады Ямышевской крепости джунгарами, потерял немало своих людей. И. М. Лихаревым были взяты два лекаря с «полковою аптекою», а также два геодезиста, специально отобранные для создаваемого отряда из учеников Морской академии. Не исключая вероятность столкновений с калмыками, организаторы экспедиции придали отряду нужное количество артиллерийских орудий: 13 полевых пушек, 6 мортир. Запас продовольствия был взят на три

месяца. По численности отряд И. М. Лихарева уступал экспедиции Бухгольца, но преимуществом явилось то, что он смог учесть его опыт.

Не найдя удобного места для строительства крепости на берегу озера Зайсан, отряд И. М. Лихарева двинулся далее к Черному Иртышу. Наблюдавший за движением отряда джунгарский военачальник Галдан-Цэрэн (сын и наследник Цэван-Рабтана) имел в своем распоряжении 6-тысячное войско. 8 августа 1719 г. джунгари открыли огонь по отряду И. М. Лихарева, но и сами попали под губительный огонь русских пушек и не смогли использовать свое численное превосходство⁶⁰.

После этой неудачи Галдан-Цэрэн изъявил согласие начать переговоры, послав в лагерь И. М. Лихарева переводчика. И. М. Лихарев объявил ему, что «единственная цель его командировки состоит в том, чтобы узнать, откуда берет свое начало Верхний Иртыш и можно ли достигнуть до его истоков и отыскать рудные месторождения». Джунгари «изъявили согласие на возвращение флотилии обратно». И. М. Лихарев и Галдан-Цэрэн поздравили друг друга с мирным исходом переговоров и обменялись подарками⁶¹.

На обратном пути, где Иртыш выходит из Алтайских гор и разливается по степи, при впадении в него реки Ульбы И. Лихарев заложил в 1720 г. крепость, названную Усть-Каменогорской⁶².

Цэван-Рабтан, получив донесение о мирном разрешении зайсанского конфликта, был очень обрадован. Призвав к себе В. Чередова — представителя сибирского губернатора, хан сказал ему, что хочет жить с Россией в дружбе и мирно торговать и соглашается не препятствовать поискам руд. Взамен Цэван-Рабтан просил: «...Чтоб ему с ясашных людей, с которых он имел ясак, по-прежнему брать. Беглых бы его калмыков не принимать и отдавать» и т. д.⁶³

Сам И. М. Лихарев вследствие болезни не смог при-

вести Усть-Каменогорскую крепость в «окончательное устройство» и поручил это инженер-капитану Летранжу. По причине постоянного размывания берегов Иртыша, как это наблюдалось при постройке Ямышевской, Семипалатинской крепостей, Усть-Каменогорское укрепление было основано в некотором отдалении от реки. Во вновь созданную крепость из европейской части России вскоре был переведен драгунский полк, названный впоследствии Колыванским⁶⁴.

Строительством Усть-Каменогорской крепости открылись новые возможности для установления непосредственных хозяйственных связей с кочевым казахским населением, другими азиатскими, алтайскими племенами и народностями. Влияние России распространилось к востоку от Ямышевского озера. Кроме всего этого, И. Лихарев выполнил инструкцию Петра I и доказал, что водным путем — Иртышом невозможно близко подойти к «Эркети», о которой мечтал царь.

Развитие верхнеиртышских крепостей в первые десятилетия их существования было тесно связано с состоянием русско-джунгарских и казахско-джунгарских взаимоотношений.

Следует отметить немаловажное обстоятельство, что заселение пограничных районов путем строительства укреплений осуществлялось, в основном, мирным путем и не вызывало протеста со стороны исконных жителей степи — казахов.

Однако возведение русских укреплений не могло полностью устраниТЬ угрозу нападения джунгар на пограничные районы и снять все спорные вопросы. Эти экспедиции, хотя и отодвинули границу на восток, но значительно осложнили взаимоотношения России с Джунгарией, вызвав неоднократные противодействия со стороны последней, что было нежелательно в тех условиях, когда Петр I и на Западе решал сложные внешнеполитические задачи.

ЗАЩИТА КАЗАХОВ ОТ ВНЕШНИХ ВТОРЖЕНИЙ

В первой четверти XVIII в. Джунгарское ханство достигло своего наивысшего могущества, что вызывало беспокойство сибирской пограничной администрации и обоснованную тревогу казахских племен. Однако внимание Джунгарии было отвлечено тогда от северо-западных окраин — Цэван-Рабтан вел войну с Цинской империей и даже надеялся заключить военный союз с Россией. Поэтому, избегая обострения джунгарско-русских отношений, Джунгарское ханство воздерживалось от попыток уничтожения иртышских военных оборонительных укреплений.

В данных условиях правительство Петра I искало пути приведения самой Джунгарии в подданство России. Этим можно объяснить подчеркнутое гостепримство, оказанное в Петербурге посланцам джунгарского хана — Лозану и Борокургану. 6 сентября 1721 г. они удостоились аудиенции Петра I, принявшего их в присутствии генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова, государственного канцлера Ф. М. Апраксина и других доверенных лиц царя и высших сановников России¹.

В ответ на посольство джунгар правительство России решило отправить капитана И. Унковского, который должен был передать Цэван-Рабтану согласие русского правительства оказывать военную поддержку Джунгарскому ханству, если оно примет подданство России. Однако И. Унковский, десять месяцев пробыв в Урге и не

добившись переговоров с Джунгарией, возвратился обратно. Цэван-Рабтан не хотел себя связывать каким-либо договором с Россией. Предложение российского посла о строительстве в пограничных с Россией районах русских крепостей с гарнизоном было им отклонено. Прав был Н. И. Веселовский, который впоследствии, публикуя документы об этих переговорах, писал, что «калмыки, в то время мечтавшие о подчинении себе монголов, а быть может, и самого Китая, вовсе не думали о каком-либо подданстве». Это высказывание, может быть, только чересчур категорично. Еще при жизни Цэван-Рабтана его старшая жена, которая, надо полагать, не была одинока в этом мнении, предлагала «с людьми императорского величества жить в дружбе и взятое отдать, не воевать с таким великим и славным государем»² (т. е. Петром I — Ж. К.).

Еще более определенно высказывался один из сыновей Цэван-Рабтана — Шоно Доба, советовавший своему отцу поддерживать мирные отношения с Россией и грозивший в противном случае уйти вместе со сторонниками к своим доброжелателям — волжским калмыкам, добровольно принявшим подданство России³. Другая же группа, которую возглавлял наследник престола Галдан-Цэрэн, придерживалась противоположной линии⁴. При таких сложных обстоятельствах джунгары в целом по отношению к России занимали выжидательную позицию, но сами не нападали на пограничные селения. Однако относительно казахских родов джунгары не скрывали своих агрессивных намерений — насильственным путем подчинить их своей власти.

Напряженное положение на северо-восточной границе вынудило казахских ханов и султанов вступить в переговоры с правительством Петра I и через сибирские пограничные власти заявить о своих намерениях воевать с Джунгарией в союзе с Россией.

В 1717 г. предводители теснимых джунгарами каза-

хов хан Таяке и его союзники Каип и Абулхаир, учитывая сложность внешнеполитического положения казахских родов и реальную угрозу со стороны внешних противников, обратились к Петру I с просьбой о подданстве; последний, будучи занят войною со Швецией и имея от подчиненных сведения о внутренних неурядицах и междоусобных распрях казахских родов, не решился в данной ситуации на вмешательство в «казахские дела», хотя продолжал наблюдать за событиями в Казахстане и Средней Азии.

Экспедиция А. Бековича-Черкасского в 1715—1717 гг., организованная Петром I, стала крупным политическим событием в русско-казахских, русско-среднеазиатских отношениях и имела своей целью, пройдя через казахскую степь в Хиву, склонить хивинского хана к подданству России, а также изучить акваторию Аральского моря и земель, расположенных к востоку от нее. Она положила начало дальнейшему развитию торгово-экономических отношений между Казахстаном, Средней Азией и Россией. От экспедиции, которую дружелюбно встретили казахи и туркмены, Петр I, видимо, ожидал больших экономических и политических выгод.

Сибирские власти, руководствуясь указаниями правительства — поддерживать с казахскими племенами добрые отношения, шли на некоторые незначительные уступки им, соглашаясь, например, отказаться от взимания пошлинных сборов за товары, привозимые в крепости торговцами из казахской степи. С другой стороны, царское правительство поручило своим дипломатическим представителям, а также купцам, отправлявшимся в казахскую степь, собирать сведения о политическом настроении казахских султанов и других правителей.

Крайнее обострение казахско-джунгарских отношений доказало этим правителям важность укрепления связей с Россией. Казахи, нведывавшиеся в Ямышевскую, Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и другие

крепости, расположенные на рубеже России и казахских степей, реально сознавали, какую помочь в случае конфликтов с джунгарами могут им оказать эти пограничные пункты с обученными регулярными войсками, оснащенными артиллерийскими орудиями, в то время малоизвестными для казахов.

Джунгари тоже хорошо понимали, что существование в Южной Сибири военно-оборонительных укреплений мешает осуществлению их притязаний на казахские земли Среднего жуза. Поэтому джунгарский хунтайджи все настойчивее стал требовать уничтожения некоторых российских поселений, в частности Усть-Каменогорской крепости⁵. Не добившись удовлетворения своих требований, Цэван-Рабтан послал отряды, которые, вторгнувшись в алтайские владения России, сожгли пристройки и другие заведения при рудниках⁶, что нанесло значительный ущерб экономическим интересам России в этом районе.

Начало горному делу на Алтае было заложено в 1723 г., когда русские звероловы нашли медную руду около озера Колыванского у границы Джунгарского ханства⁷. Купец А. Демидов, которому Бергколлегия представила право на создание в этих местах горно-заводских предприятий, «оградил оные (предприятия — Ж. К.) нужным для безопасности укреплением и снабдил чугунными 14-го калибра орудиями с потребными снарядами». С целью обеспечения обороны алтайских заводов и рудников от джунгарских нападений были построены Убинская, Колыванская, Змеиногорская и другие крепости, которые также были вооружены чугунными орудиями. Эти пушки были доставлены А. Н. Демидовым с Урала в 1725 г. Лишь только на одном Колыванском заводе на первое время имелось 14 пушек.

Кроме того, на заводах и рудниках были расквартированы солдаты регулярных войск и казаки, которые, помимо исполнения военной службы, привлекались также непосредственно к горно-заводскому труду. Воинские

части содержались и при Барнаульском и Шульбинском заводах. Вообще к концу 20-х гг. XVIII в. число военнослужащих только на демидовских заводах составляло не менее 300 человек⁸. Таким образом, политические интересы царизма на восточной границе тесно переплетались с интересами экономического характера.

Строительство крепостей, форпостов и редутов, составлявших уже тогда довольно протяженную цепь укрепленных линий Русского государства в Казахстане и Сибири — Оренбургскую, Пресногорьковскую, Иртышскую, являлось важной частью военно-оборонительных мероприятий царского правительства. Эти линии были довольно эффективными для своего времени оборонительными сооружениями. Например, на Верхнеиртышской линии насчитывалось семь крепостей (Омская, Железинская, Ямышевская, Долонская, Семипалатинская, Убинская, Усть-Каменогорская) и более 30 редутов⁹.

Освоение горно-рудного Алтая повлекло за собой необходимость создания новых оборонительных сооружений, прикрывавших алтайские заводы и русские поселения. Так, например, в 1726 г. было начато строительство Колыванской крепости.

А в это время казахов воинственные соседи теснили с разных сторон. Начало XVIII в., по словам Ч. Ч. Валиханова, «было ужасным временем в жизни киргизского (казахского — Ж. К.) народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами».

Перед угрозой поголовного истребления казахи, особенно Среднего жуза, могли найти защиту лишь у России.

С другой стороны, России война с Джунгарией не обещала быстрой победы, хотя бы из-за малочисленности войск Сибирского пограничного управления.

Еще в 1720 г. для поддержания связи с названными

верхнеиртышскими крепостями было построено семь промежуточных форпостов — Ачаирский, Черлаковский, Осморыжский, Чернорецкий, Семилярский, Убинский и Коряковский¹⁰. Однако сплошной линии военных укреплений не было, чем нередко пользовались джунгарские отряды, совершившие «перелазы для воровства и грабительства»¹¹.

В военном отношении Джунгарское ханство представляло собой серьезную силу даже для России, тем более для казахских родов. В отличие от некоторых азиатских народов, которые имели «лучной бой», на вооружении джунгарской армии еще в конце XVII в. имелось «огневое оружие с фителем»¹². Иван Унковский, капитан русской армии, о поездке которого в ставку джунгарского хана мы уже упоминали, в своем «журнале» записал, что «панцыри из оружия палили, а латники, преклоняя копья яко против неприятеля, скочили с великим криком десятины на две или три»¹³. Наличие разного калибра артиллерийских орудий у джунгар подтверждают многочисленные источники. «Ныне в Зюнгарском владении действительно имеется пушки холодных, которые на верблюдах, три тысячи, ломовых — пятьдесят, мортир — тридцать, при них артиллерийские служители из них же, зюнгарских калмыков»¹⁴, — читаем в одном из донесений пограничных властей.

Изготовлению артиллерийских орудий у джунгар способствовал шведский сержант артиллерии И. Г. Ренат, взятый русскими в плен при знаменитом Полтавском сражении, а затем, в период осады Ямышевской крепости, вторично попавший в плен к джунгарам¹⁵. «Оную артиллерию,— писал побывавший в Джунгарии один из офицеров русской армии,— ...начал заводить «иностраниец капитан (сержант Ренат — Ж. К.), который... некоторых (джунгарцев — Ж. К.) своему языку обучал и книги артиллерийской науки им оставил»¹⁶.

В 1732 г. уже к следующему джунгарскому хунтайд-

жи — Галдан-Цэрену, имевшему тогда резиденцию на реке Или, русское правительство направило майора Л. Угримова, и Ренат рассказал ему, что отлил пушек четырехфунтовых — 15 да малых — 5, мортир десятифунтовых — 20¹⁷.

Джунгары имели огромную по тем временам армию. По данным известного историка XIX века И. Я. Бичурина, могли выставлять до одного миллиона войск¹⁸. Однако эта цифра явно преувеличена. В период правления Галдан-Цэрене все население Джунгарии, по данным советского исследователя Ш. Б. Чимитдоржиева, составляло примерно 600 тысяч человек, максимум — около 1 миллиона¹⁹. Скорее всего, в 40-х гг. XVIII в. Галдан-Цэрэн имел в своем распоряжении до 80 тысяч воинов «с огненным ружьем»²⁰. Но и это по численности превосходило как русские войска, сосредоточенные в пограничной зоне, так и ополчение казахских племен. Причем вооружение казахов значительно уступало джунгарскому. Оно состояло в основном из луков, сабель, копий, лишь незначительная часть воинов была вооружена фитильными ружьями, дальность боя которых была невелика²¹. Судя по отсутствию данных в источниках, у казахов не было артиллерии.

Грозный сосед Джунгарии на востоке — Цинская империя поджидала возникновения благоприятной ситуации для осуществления своей давно вынашиваемой цели — ликвидации Джунгарии как самостоятельного государства и насильтвенного захвата сопредельных народов и племен. Однако военные действия ее против Джунгарии отмечаются лишь с начала 30-х гг. XVIII в.

До этого Джунгарское ханство смогло обрушить на казахов всю свою мощь. Его агрессия 1723—1727 гг., названная в истории казахского народа «годами великого бедствия», принесла страдания, голод, разрушение материальных ценностей, нанесла невосполнимый урон развитию производительных сил: тысячи мужчин, женщин

и детей были угнаны в плен. Казахские роды, дорого заплатив за беспечность своих султанов и ханов, под напором джунгарских войск вынуждены были покинуть веками насиженные места, что повлекло собою откочевки части казахов Среднего жуза к пределам среднеазиатских ханств, где они подвергались не менее опустошительным набегам²³. «Переходы сии повлекли за собою неминуемое разорение и гибель... нищета и страдания сделались всеобщими, иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих», — писал по этому поводу А. И. Левшин²⁴.

Джунгарская агрессия на века оставалась в народной памяти²⁴:

С вершин Карагату кочевья идут...

За каждым кочевьем одинокий верблюд...

Потерять родных, родную землю — нет горя тяжелее.

Не сдержишь слез — они текут, текут...

Джунгарское нашествие нанесло значительный ущерб и экономическим интересам России. Джунгарские войска, расширяя военные действия, осадили Убинский острог и некоторые редуты и военно-опорные пункты.

Исходя из торгово-экономических и политических интересов России, в частности защиты алтайских владений, прежде всего горно-заводских предприятий, а также восстановления прерванных войною торговых связей, сибирские власти стали на сторону казахов.

Заменивший на посту сибирского губернатора М. П. Гагарина князь Долгорукий еще в 1725 г. ходатайствовал об определении для верхнеиртышских крепостей 785 служилых казаков²⁵. Их число пополнялось также городовыми казаками из других сибирских деревень и городских поселений: Тары, Тюмень, Тобольска, Нарыма и Сургута.

По другому источнику, в пяти крепостях: Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Ка-

мёногорской — было расквартировано 772 стребовых казака (не считая офицеров)²⁶. Кроме того, гарнизоны военных постов Восточного Казахстана были увеличены за счет регулярных войск. В дополнение к вышеприведенным данным следует упомянуть, что из крестьян окрестных селений, которым присваивалось название «выписных казаков», были сформированы отряды «с собственным вооружением». Позднее гарнизоны Усть-Каменогорска, Ямышевска и других военно-опорных пунктов были пополнены казаками с Дона и «ссыльными запорожцами»²⁷. Таким образом, в период джунгарской агрессии в верхнеиртышских крепостях находилось более тысячи регулярных солдат и казаков.

Все это в известной мере ограждало казахское население от физического истребления, давало им защиту, способствуя широкому развертыванию освободительной войны казахского народа против джунгар. Однако коменданты крепостей без ведома официальных властей, хотя нередко и оказывали казахам покровительство, но не рисковали брать на себя ответственность за обострение без того натянутых русско-джунгарских отношений, не решались открыто выступить в защиту казахских племен, кочевавших в Восточно-Казахстанском крае.

Однако в целом положение казахских жузов продолжало оставаться критическим²⁸.

В такой сложной ситуации дело спасения страны взял на себя сам народ, выдвинув из своей среды крупных предводителей народной борьбы — Буkenбая, Тайлака, Малайсары, Джаныбека и других.

Освободительная борьба казахского народа нередко венчалась его победами. Отряды казахского ополчения не только достигли определенных успехов в защите своих кочевий, но и вторгались на территорию близлежащих кочевий джунгар, захватывая большое количество пленных. Одно из крупных сражений произошло в 1726 г.

в юго-восточной части будущего Йргизского уезда, на берегу реки Буланты, в местности Кара-сиыр. Казахские воины нанесли здесь джунгарским полчищам первое крупное поражение. Место сражения получило название «Қалмак-қырылган» («место гибели калмыков»). В 1729 г. произошло новое крупное сражение казахов с джунгарскими завоевателями на юге-востоке от озера Балхаш, в местности Аңракай, где казахское ополчение одержало убедительную победу, разгромив джунгарское войско. В народных преданиях эта местность носит название «место стонов и рыданий врага». Потерпевшее поражение войско завоевателей начало отступать по реке Или на восток. Но в это время предводители отрядов казахского ополчения в связи со смертью хана Болата рассорились из-за того, кому из них быть старшим ханом в трех казахских жузах. Эти разногласия среди казахских батыров, султанов и других предводителей и феодалов, помимо их желания, облегчили действия джунгар, отбрасывая достигнутое и сводя на нет многочисленные жертвы и усилия казахского народа в борьбе с захватчиками, ставя под угрозу само существование казахских жузов.

В сложившейся ситуации следовало найти политическое решение этого вопроса — чтобы правительству России дать юридическое основание для открытого вмешательства в джунгаро-казахский конфликт. На других соседей — Хиву и Бухару — надеяться было немыслимо, их раздирали непрестанные междоусобицы, кровавые феодальные войны. Более того, эти государства сами задумывали расширить свои владения за счет отторжения отдельных районов Казахстана. Поэтому наиболее дальновидные правители казахских жузов, видя в лице Российской империи единственную потенциальную силу, способную оградить их от джунгарских вторжений, предприняли шаги для официального принятия казахским народом российского подданства.

Одним из наиболее последовательных проводников этой линии стал хан Абулхаир и примыкавшая к нему группа феодалов. Территория Младшего жуза граничила с русскими землями, его торговые и политические связи с Русским государством были наиболее устойчивыми. Конечно, стремление Абулхаира включить казахские земли в состав России объяснялось прежде всего его желанием положить конец внутренним усобицам, оградить степь от внешней опасности и со временем вернуть казахские территории, захваченные джунгарскими феодалами. Вместе с тем Абулхаир надеялся использовать российское подданство и для укрепления собственной, единоличной власти во всем степном крае, что, естественно, соответствовало его интересам²⁹.

В начале 1725 г. казахи направили послов в Россию, затем переговоры были продолжены в 1726 и 1730 гг. 8 сентября 1730 г. посольство Абулхаир-хана во главе с Сейткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым с полномочиями о добровольном принятии Российского подданства через башкирские земли прибыло в г. Уфу. «Мы, Абдулхаир-хан,— говорилось в привезенной грамоте,— с подвластным мне многочисленным народом Среднего и Младшего жузов, все преклоняемся перед Вами... желаем Вашего покровительства и ожидаем Вашей помощи»³⁰.

Настал переломный момент в судьбе казахского народа — 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту о принятии Младшего жуза в российское подданство. Для вручения царской грамоты и приведения к присяге казахов Младшего жуза к Абулхаир-хану было направлено специальное посольство во главе с Тевкелевым (Мамет-мурза). Несмотря на известное сопротивление группы казахских султанов и старшин, стремившихся не допускать усиления личной власти Абулхаир-хана, петербургскому послу удалось благополучно завершить переговоры и оформить 10 ок-

тября 1731 г. исторический акт о принятии казахами-кочевниками российского подданства.

Хотя, как известно, вхождение населения Среднего и Старшего жузов в состав России состоялось несколько позднее, Абулхаир-хан при обращении к царскому правительству именовал себя ханом всего казахского народа, что, несомненно, насторожило джунгар и заставило их с тревогой смотреть на дальнейшее развитие русско-казахских отношений. К тому же, в указе императрицы имелись отдельные пункты, свидетельствовавшие о намерении правительства гарантировать неприкосновенность уже официально подданных казахов от враждебных акций Джунгарского ханства. «Ежели на вас, кайсаков (казахов — Ж. К.), — говорилось в той же грамоте Анны Ионновны Абулхаир-хану, старшинам и всему казахскому народу, — будут нападать неприятели (читай: джунгары — Ж. К.), чтобы вы от того нашим защщением охранены быть»³¹.

Первым из владельцев Среднего жуза в российское подданство вступил в 1731 г. Семеке (Шахмухамед или Шемяк в русских источниках)³². Однако после этого он, забыв свои «обязанности и присягу, ходил войною на башкирцев двухкратно, причинил великое разорение и был побежден, снова присягал купно с народом». Единичные непоследовательные действия отдельных казахских султанов все же не могли существенно замедлить или тем более приостановить начавшийся процесс присоединения Казахстана к России.

До поры до времени Российское государство старалось сохранить торговые связи и с Джунгарией. Выполняя указания правительства, сибирские пограничные власти, в ведении которых находились Семипалатинское, Ямышевское, Железинское и другие военно-оборонительные укрепления, прилагали усилия для привлечения к торговле и джунгарских подданных.

Так, в 1732 г. к хану Галдан-Цэрену был отправлен

майор Л. Угримов с предложением «не брать пошлины с калмыцких купцов», приезжавших на Иртышскую линию, а ограничиваться взиманием ее только с русских купцов, вывозивших азиатские товары из владений Галдан-Цэрена»³³. На майора Угримова была возложена задача добиться, чтобы и «Галдан-Цэрэн не брал пошлины с русских товаров, привозимых в Джунгарию». Вместе с тем торговля джунгар была ограничена лишь двумя крепостями — Ямышевской и Семипалатинской, хотя джунгарские купцы не всегда наведывались на пограничные пункты с большими караванами³⁴. Ограничение пропуска джунгарских купцов в другие верхнеиртышские укрепления и сибирские города можно объяснить подозрениями, что те могут заняться сбором различных сведений военно-политического характера.

Стремясь предупредить внезапные действия джунгарских войск в пограничных с Сибирской линией районах и в целях получения достоверных сведений о положении в самом Джунгарском ханстве, туда под видом торговцев или дипломатических лиц посыпались агенты, в круг обязанностей которых вменялось выяснить «...нет ли по старым затейным претензиям к сибирской стороне какого худого намерения... об этом немедленно давать знать в Сибирь губернатору и ближайшие города об опасном»³⁵. Чаще всего разведчиками в подобных случаях являлись казаки, которые нередко посещали Джунгарию в составе конвоиров торговых людей и переводчиков с местных языков.

Бывали моменты, когда джунгары прилагали усилия натравить отдельные казахские роды против русских укреплений, коварно обещая им временный союз. Джунгары, несомненно, были осведомлены о тех вызывающих сожаление поступках отдельных казахских батыров и султанов, которые, забыв о принятом ими подданстве, нападали на русские пограничные селения, это, естественно, вызывало ответное недоверие. Так, 24 июля

1740 г. комендант Ямышевской крепости секунд-майор Нелебов распорядился «о приходе кайсаков (казахов — Ж. К.) иметь крепкую предосторожность...³⁶

Но большинство казахских родов на подобные интриги не поддалось, с другой стороны, и надежды русских удержать Джунгарию от враждебных действий против казахских племен не оправдались. В 1738—1741 гг. воины Галдан-Цэрена совершили новый опустошительный поход на казахские земли. Вторгнувшись в пределы Среднего жуза, учинив страшный по своим последствиям разгром в казахских аулах, преследовали бежавших вплоть до самой Орской крепости³⁷, где натолкнулись на русские пограничные посты.

Команданты Ямышевской, Усть-Каменогорской, Семипалатинской крепостей потребовали от джунгар оставить в покое казахов, принявших российское подданство. 1 января 1741 г. начальник Сибирской губернской канцелярии П. Бутурлин просил комендантов сибирских пограничных укреплений: «...ежели от них, зенгорских калмыков, такие непорядочные поступки, то в губернскую канцелярию обстоятельные известия в самой скорости надлежит рапортовать». Комендант Ямышевской крепости подполковник Т. Зорин 20 февраля 1741 г. сообщал в данной связи, что «калмыцкое войско юрт четыреста казачьи орды разбили и много де их (казахов — Ж. К.) в полон взяли». Учитывая возможность набегов джунгар на русские поселения в Сибири, местные власти решили усилить защиту Среднего Прииртышья со стороны Барабинской степи и Тобольско-Тарского участка сибирского тракта.

В 1740—1741 гг. сибирскими пограничными властями были осуществлены некоторые меры по дальнейшему укреплению обороноспособности крепостей. По западному берегу Иртыша начали возводиться форпосты Инберийский, Бетеинский, несколько позднее — Воровский, Верблюжский и другие укрепленные пункты.

Одновременно продолжалось строительство все новых заводов по переработке руд. Еще в 1733 г. А. Демидовым в полосе приобских боров был построен Барнаульский завод по добыче серебра³⁹, где были поселены крестьяне, выведенные Демидовыми с Урала для обслуживания заводского гужевого транспорта на Иртыше, а также на боровой полосе. Для защиты этих предприятий от кочевников А. Демидов должен был построить при заводах редуты с артиллерией и военными гарнизонами. В 1741 г. ему, ставшему к тому времени статским советником, было рекомендовано построить крепость при Барнаульском заводе «на собственный капитал»⁴⁰, что и было сделано.

Дипломатическими переговорами и другими путями правительству удалось еще в 1740 г. склонить к принятию российского подданства часть калмыков («элютов», или «ойратов»), обитавших в районе Бийского округа Томской губернии⁴¹.

20 мая 1742 г. Правительствующий сенат в Петербурге принял специальный указ о мерах защиты казахского поселения и обороны крепостей иртышской линии. Продумывалось увеличить гарнизоны во всех укреплениях и форпостах на границе с Джунгарским ханством⁴². Пограничные власти, подчеркивая свою решимость всеми средствами защищать казахов, как своих подданных, от налетов джунгарских отрядов, потребовали от Галдан-Цэрена, чтобы «от таковых обид своих людей унять»⁴³. 2 сентября 1742 г. начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев отправил Галдан-Цэрену письмо о недопустимости вмешательства джунгар в дела казахов, находящихся в российском подданстве⁴⁴.

Правительство России распорядилось также «принять особые меры предосторожности», приказав перевести в крепости на границе с Джунгирией артиллерийские орудия из Тобольска и Екатеринбурга⁴⁵.

Вскоре от бежавших из джунгарского плена людей,

а также из других заслуживающих внимания источников стало известно о подготовке против казахов Среднего жуза новых вторжений. В 1742 г. джунгары, воспользовавшись разногласием среди казахских султанов и ханов, совершили губительное по своим последствиям нашествие на Средний жуз, и влиятельный султан Аблай был взят в плен и освобожден лишь благодаря упорному заступничеству русских властей.

Галдан-Цэрэн все настойчивее требовал от русских уничтожения некоторых из военно-опорных пунктов⁴⁶. Непосредственная угроза нависла над предприятиями горного промысла. Летом 1744 г. дворянин Федор Мельников, посланный Сибирской губернской канцелярией «для разведывания о собравшихся калмыках в местечке Канкаракол», после возвращения в Кузнецк сообщил, что джунгары, «собрав силу, пойдут войною на... Колыванский завод»⁴⁷.

В июне 1744 г. приехавшие в Усть-Каменогорскую крепость джунгарские подданные — Шерен, Узочки и Союн — тоже заявили, что Галдан-Цэрэн приковчевал вверх по Иртышу и находится на расстоянии 7 дней езды от Зайсана. Далее они открыто говорили о намерениях Галдан-Цэрена послать войско в Усть-Каменогорскую, Семипалатинскую и Ямышевскую крепости⁴⁸. Кроме того, джунгары интересовались, «чего-де ради на том руднике построена крепость» и также «какая-де руда добывается». Не ограничившись расспросами разведывательного характера, джунгары пригрозили: «Ежели с того места (где построены крепости и созданы рудники — Ж. К.) не сойдете, то в тот час войско придет и обяжет в круг... оную-де крепость... собыют»⁴⁹.

Не прекращали джунгары и интриги с казахскими племенами. Видимо, приняв эти интриги за чистую монету, бригадир Андрей Беэр в рапорте от 2 июля 1744 г. в Сибирскую губернскую канцелярию писал, что «урянхайцы» (посетившие ставку султана Барака — Ж. К.) про-

информировали о намерении Галдан-Цэрена «сообщаясь с казачью ордою, вместе идти на российские жилища»⁵⁰.

Позиция правительства России во время джунгарского нашествия в начале 40-х г. и в последующем, однако, наглядно убеждала казахов Среднего жуза в том, что примирение с джунгарами, на котором настаивали некоторые казахские владетели, не могла обеспечить безопасность края. Поэтому вся эта возня «посланцев» джунгарского хана, стремившихся посеять семена раздора между влиятельными казахскими султанами и русскими пограничными властями, не увенчалась успехом.

Султан Среднего жуза Аблай, очевидно, в целях укрепления доверия русских властей предпринял шаги, направленные на создание благоприятных условий для посещения казахскими торговцами прииртышских крепостей. Коменданту Семипалатинской крепости он настойчиво писал: «Я со всею волостию в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости с торгами буду посыпать»⁵¹.

Количество русских войск в пограничной зоне на случай очередного джунгарского нападения было снова увеличено. Только в трех крепостях: Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Железинской — в 1744 г. было расквартировано 720 человек гарнизона при 35 пушках⁵². Была учреждена особая должность начальника сибирских пограничных линий, которым стал генерал-майор И. В. Киндерман, с именем которого связано дальнейшее усиление военно-политического значения крепостей Восточного Казахстана. Для укрепления безопасности горно-заводских предприятий на Алтае было решено построить дополнительно «недорогие укрепления с палисадами и рогатками»⁵³.

От Иртыша до Оби протянулись Шульбинский, Убинский, Староалейский форпосты, Колыванская и Чагырская крепости, Чарышский форпост, Кабанова защита, Барнаульская и Белоярская крепости, в низовьях Бии — Бийская крепость, позже образовавшие Колыва-

но-Кузнецкую оборонительную линию⁵⁴. А в районе Верхнего Прииртыша кроме пяти крепостей (Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Ямышевской, Коряковской, Омской) был 31 форпост, хотя обороноспособность многих была невелика, а последние (форпосты) были ограждены лишь «бревенчатым частоколом, рвом и рогатками»⁵⁵.

14 ноября 1744 г. из Тобольска был командирован представитель пограничного управления «для свидетельства и описи по Барабинской степи форпостов и о намерении зенгорского владельца».

Горнозаводчик А. Демидов во второй половине 40-х годов XVIII в. построил несколько новых заводов при впадении реки Шульбы в Иртыш между Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями. Правительство всеми мерами поощряло заселение районов расположения горно-заводских предприятий. 27 января 1745 г. прибывший на демидовские заводы «представитель правительства» заявил: «...по заведении горного промысла... увеличится и народонаселение»⁵⁶. Причем власти стремились заселить эти места русскими, «выходцами из Ишима и сибирских слобод». Это тревожило джунгаров.

Предупрежденный своими лазутчиками о приближении к южно-сибирской границе пяти регулярных полков, посланных из внутренних губерний России, Галдан-Цэрэн вынужден был временно отступить, чтобы собрать силы для нового нападения на казахов. Джунгары продолжали пополнять артиллерию. Отливали пушки бежавшие с колыванских и других заводов мастеровые. В 1741 г. под руководством беглого мастера Ивана Бильдяги на речке Тимирлик был построен завод, на котором отливали медные пушки⁵⁷. Джунгарские племена были вооружены также ружьями. Рудоискатель Петр Шелегин, проникший в 1745 г. за Телецкое озеро, встретил на реке Башкаус отряд ойратов численностью

около пятисот человек. По его сообщению, каждый из них имел кроме «сайдака» (лука) «турку» (ружье). В составе отряда было 47 кольчужников. По словам того же П. Шелегина, железными панцирями джунгары снабжали «отборные, лучшие войска»⁵⁸.

Железо, медь, свинец, необходимые для изготовления пушек, в основном добывали сами джунгары⁵⁹. Определенная часть этого сырья поступала от подвластных джунгарам племен и народов в виде натуральных повинностей — «железного алмана». Одной из основных причин, обусловивших притязания джунгар на Алтай и некоторые районы казахских степей, явилось наличие там богатейших залежей цветных металлов, в которых воинственные захватчики, несомненно, испытывали острую потребность.

С 30-х гг. XVIII в. Галдан-Цэрэн добивался «обложить железным алманом» все алтайские племена, подвластные Джунгарии. Эти народности вносили налоги железными «таганами и котлами»⁶⁰.

Такие повинности вносили также барабинские татары. В качестве налогов, кроме того, собирали с них шкуры лисиц, корсаков или по двадцать деревянных стрел, нужных для «стреляния из роговых луков». В случае неуплаты «алмана» или «ясака» стрелами взыскивалось дополнительно по пяти орлиных крыльев, применявшимся для оперения стрел⁶¹.

По поручению Сибирского пограничного управления территории между Бией и Катунью до Телецкого озера (район «железного алмана» — Ж. К.) были обследованы в 1745 г. экспедицией под руководством того же Петра Шелегина⁶². Обеспокоившись дальнейшим усиленным вооружением джунгарской армии и желая затруднить обеспечение ойратских заводов железными рудами или металлическими изделиями, начальник Сибирского пограничного управления генерал-майор И. В. Киндерман строго распорядился, чтобы те алтайские племена, ко-

торые, находясь в российском подданстве, одновременно испытывали давление Джунгарии, вносили «алман зверем (пушниной — Ж. К.) или чем иным, кроме железных котлов и таганов»⁶³. Однако эти распоряжения русских властей не имели особого успеха. Железные изделия продолжали поступать джунгарам порой даже от самих русских жителей, занимавшихся контрабандной торговлей.

Однако вскоре враждебные действия джунгар против казахов Среднего жуза были ослаблены в связи со смертью Галдан-Цэрена в 1745 г. Силы государства к тому времени были основательно подорваны постоянными мобилизациями населения и другими тяготами военного времени. Джунгарское ханство начало приходить в упадок.

С ослаблением Джунгарии была устранена угроза завоевания ею казахских земель. Однако джунгары совершили еще ряд разорительных набегов в зоне расположения горно-заводских предприятий. «Летом 1747 г. неведомо какие неприятельские люди» появились у Шульбинского завода и «напали на заводских людей», работавших на покосе⁶⁴, — говорилось в одном из донесений пограничных властей. В результате этого нападения один из «покосщиков», Гаврила Бабаилов, был убит выстрелом из длинноствольного ружья (турки), другой, Тимофей Пилванов, был уведен в плен. Драгун Андрей Курбаев, посланный с Колыванского завода на Чакырский рудник для несения караульной службы, бесследно исчез. По этому поводу генерал-майор И. В. Киндерман сообщал в царский Кабинет из Омска, что «случай в тех местах бывают частенько»⁶⁵. В целях их же безопасности работникам горно-заводских рудников «настрого под смертной казнью было запрещено косить сено за Иртышом и выходить в пограничную линию».

В 1747 г. демидовские заводы и рудники были объявлены собственностью императорской семьи, и после

этого джунгары, очевидно, избегая осложнения отношений с русскими, не предпринимали попыток уничтожить заводы или военные укрепления.

В начале 50-х гг. XVIII в. состояние укрепленных линий было таково: пограничная линия состояла из трех частей: первая начиналась с юго-западной стороны от редута Сибирского до Омской крепости, протяженностью 553 версты, называлась Горькой линией — от большого количества горько-соленых озер, расположенных на всем ее протяжении; вторая от крепости Омской тянулась по правому берегу Иртыша до редута Малонарымска, общей длиной 1684 версты, называлась Иртышской; третья от крепости Усть-Каменогорской пролегала по западному скату Алтайских гор между Колыванскими горными заводами по направлению к крепости Кузнецкой, называлась Колыванской линией, протяженностью 723 версты⁶⁶.

22 июня 1752 г. по решению правительства началось строительство новой серии укрепленных пунктов от урочища Звериное на Тоболе до Омской крепости.

Ново-Ишимская линия состояла из 9 крепостей и 53 редутов и соединяла на протяжении 540 верст Уйскую линию с Иртышской (крепости Звериноголовская, Покровская, Николаевская, Лебяжья, Полуденная, Петровпавловская, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская). На Ново-Ишимской линии служило 2518 башкир, два драгунских полка, 800 казаков, эскадрон регулярных войск. В это же время были созданы Красногорская дистанция (крепости Красногорская, Верхнеозерная, Ильинская, Губерлинская) и Орская линия (крепости Орская, Таналыцкая, Уртамышская)⁶⁷. Объективно это привело к укреплению политического веса казахов Среднего жуза, открыло новые возможности для развития их меновой торговли с русским населением. Однако вопрос о возможных нападениях джунгар на казахов с повестки дня не был снят. 31 марта 1753 г. комендант Троиц-

кой крепости майор И. Ренненкампф в рапорте на имя начальника Оренбургской губернской канцелярии по поводу прибытия послов из Среднего жуза с просьбой о защите от джунгар доносил, в частности: «...на них калмыки нападать станут, а они, киргизцы, против них также стоять будут...». Далее Ренненкампф сообщал решение об «охранении как прежде было, так и ныне... состоит, защищение всегда могут получить»⁶⁸.

В Джунгарии в это время шла кровавая борьба за престол Галдан-Цэрена. Один из претендентов на ханский престол — Амурсана, не добившись осуществления своей цели, в 1754 г. ушел «со своим поколением» в Китай и принял китайское подданство, не оставляя надежды вернуться в свое отчество и при помощи китайцев стать здесь единовластителем.

Россия по-прежнему продолжала придерживаться политики невмешательства как во внутренние дела Джунгарского ханства, так и в его отношения с Цинской империей. Это было в немалой степени обусловлено и незначительностью контингента войск, расквартированных в Южной Сибири. Здесь на Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиях, на протяжении трех тысяч километров, к концу 40-х годов XVIII века насчитывалось всего 8150 человек регулярных и нерегулярных войск, в 1750 г. — немногим более 10 тысяч⁶⁹. Явной необходимостью было дальнейшее расширение работ по строительству укреплений на Иртыше во второй половине XVIII в. Генерал-майор И. И. Веймарн и бригадир К. Л. фон Фрауендорф представили правительству свои соображения на этот счет. Генерал-поручику И. И. Шпрингеру была дана «подробная инструкция» относительно защиты сибирской «окраины»⁷⁰.

Командующий сибирскими войсками генерал И. И. Крофт в начале 1755 г. распорядился усилить оборону границы на случай внезапных набегов джунгар на пограничные форпосты и крепости⁷¹. Летом этого же

года он представил свой план принятия в укреплениях и селениях Западной Сибири ойратских беженцев, искающих спасения в русских пределах от преследования китайцев. Теленгуты известили пограничное управление о появлении в районе Телецкого озера цинских войск численностью в 70 тысяч человек⁷². Естественно, последовало решение сибирских властей «прибавить» на Иртышскую линию, в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости регулярные драгунские и нерегулярные части⁷³ для лучшего охранения границы и для содержания крепостных караулов.

Оренбургский губернатор И. И. Неплюев, дальновидно предполагая будущее уничтожение Джунгарии войсками Цинской империи, в 1756 г. предлагал завладеть «землею до озера Зайсан»⁷⁴. Однако, как показало дальнейшее развертывание событий, губернатор Сибири В. И. Мятлев упустил благоприятные возможности для сосредоточения войск на границе с Джунгарией⁷⁵. Следует вместе с тем признать, что войск в Сибири в это время не хватало, поскольку часть их была переброшена в Оренбургский край для подавления восстания башкир.

Весной 1755 г., закончив все необходимые приготовления, маньчжурско-цинское правительство нанесло джунгарам сокрушительный удар, «предавая их огню и мечу»⁷⁶. Масса пленных была продана в рабство. Возникла реальная угроза уничтожения целого государства. Коварный произвол цинских захватчиков в отношении местного населения наконец-то «открыл глаза» незадачливому претенденту на джунгарский престол — Амурсане — и побудил его осенью 1755 г. выступить против своих недавних союзников. Амурсана стремился создать союз всех антиманьчжурских сил, включая казахов, киргизов и другие народы Центральной Азии. Однако потерпел поражение и вынужден был искать убежище у султана Среднего жуза Аблая. Под нати-

ском китайцев несколько тысяч джунгарских семей бежали на Волгу к своим соплеменникам — волжским калмыкам. По пути они, однако, подвергались нападениям казахов, по территории которых следовали, — в воздаяние за своих недавние злые дела.

Приближение манчжуро-цинских войск к пограничной зоне вызвало обоснованную тревогу российских пограничных властей. Добровольное принятие некоторыми отколовшимися джунгарскими племенами российского подданства практиковалось и до разгрома Джунгарии. Теперь же ойраты массами стали стекаться к пограничным укреплениям. Как сообщил в июле и сентябре 1756 г. сибирский губернатор В. А. Мятлев столичной Коллегии по иностранным делам, большое количество джунгар прошли убежища в русских «степных» укреплениях⁷⁸.

В октябре 1757 г. в Усть-Каменогорске приняли русское подданство мингаты-урянхайцы (нынешние тувинцы) в числе 37 мужчин и 30 женщин. В январе 1758 г. в Омской крепости находилось 747 крещеных и некрещеных калмыков, 29 января 1757 г. из Ямышевской крепости в Омск были отправлены 69 калмыков, принявших христианство⁷⁹. Команданты крепостей в Юго-Западной Сибири, руководствуясь инструкциями и указаниями правительства, в духе того времени брали под защиту лишь тех джунгар, которые соглашались принять христианскую веру. Начальник Сибирских линий бригадир К. Л. фон Фрауендорф в начале 1757 г. разослал комендантам южно-сибирских укреплений распоряжение, в котором потребовал джунгар, не пожелавших принять христианскую веру, отсылать от крепостей прочь, лиц же, пожелавших креститься, принимать без различия наций⁸⁰.

Усть-Каменогорская, Семипалатинская, Ямышевская и другие крепости стали теперь пунктами, в которых, как правило, джунгары массами присягали на российское подданство. 7 августа 1758 г. новый сибирский генерал-губернатор Ф. И. Соймонов сообщил в Государственную

коллегию иностранных дел о принятии в российское подданство торгоутских калмыков в числе 5187 человек, «при них разного скота двадцать тысяч двести девяносто девять»⁸¹. Часть этих джунгар были поселены в этих же крепостях⁸².

В это же время в Семипалатинскую крепость пришли с просьбой принять их в Российское подданство б торгоутских (калмыцких) владетелей: Заман, Манут, Шеаренг, Уранхай, Лоузанг и Норбо-Черик, которые обратились к коменданту Семипалатинской крепости с письмом, в котором, в частности, говорилось: «...поныне наши родственники, будучи в протекции ее величества государыни (речь идет о волжских калмыках.— Ж. К.), находятся в покое, и для того мы желаем с оными нашими родственниками соединиться...»⁸³. Даже Амурсана, потерпев ряд поражений, 27 июня 1757 г. явился в Семипалатинскую крепость, умоляя спасти его⁸⁴. О желании Амурсаны со своими сторонниками и скарбом перейти границу местные жители сообщили из Усть-Каменогорской крепости. Жену и сына Амурсаны после его смерти от оспы отослали к волжским калмыкам⁸⁵.

Судя по донесению сибирского генерал-губернатора Ф. И. Соймонова сенату, «для воспрепятствования остальному зюнгарцам переходить в русское подданство» были выставлены близ границы цинские войска: при урошице Аблакат, при речке Чаркурбан. Кроме того, в Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости приезжали придворные Холха-байби Лансурин и командующий войсками Либон Шунден, которые «проводали о вышедших в русское подданство зюнгарских наионах», причем требовали выдать вступившего в русское подданство Ширину с его подвластными⁸⁶. Больше того, чтобы затруднить переход джунгар в российское подданство, цинские войска, как сообщали сибирскому губернатору из Ямышевской и Семипалатинской крепостей, «шли вниз по Иртышу... по киргизской степной стороне»⁸⁷. Посредни-

ками в передаче этих вестей в большинстве случаев были казахи, приезжавшие в крепости для торговли.

Разгромленная Джунгария прекратила свое существование как самостоятельное государство. Она была насильственно превращена в цинское имперское наместничество, получившее название Синьцзян («Новая граница»)⁸⁸.

Теперь казахи-скотоводы смогли снова занять опустевшие земли, ранее находившиеся под джунгарским контролем. «Найдя на левом берегу Иртыша обширнейшие луговые займища с громадными запасами трав... (казахи — Ж. К.) прильнули к ним, как мухи к меду...»⁸⁹ — писал известный дореволюционный исследователь Г. Катаев. Но ведь эти земли с незапамятных времен принадлежали казахам, джунгары лишь временно заняли эти районы. Тем не менее, цинские правители объявили своей собственностью все земли, ранее подвластные Джунгарскому ханству, на том лишь основании, что они провозгласили себя единоличными преемниками территориального наследия джунгарских правителей⁹⁰.

Русское правительство разрешило свободный приезд к Иртышу между Омской и Усть-Каменогорской крепостями «доброжелательным старшинам», для чего по Иртышской линии тратилось не менее 1000 рублей, включая сюда издержки на их угощение, постройку на зимовках деревянных домов⁹¹.

Султаны Абулфаиз и Аблай обратились также к Цинской империи за разрешением кочевать в некоторых районах бывшей Джунгарии⁹² и обязались вносить Китаю «из рогатого скота и лошадей одну голову со ста, а овец — голову с тысячи»⁹³, хотя, как следует подчеркнуть, казахи остались свободными от уплаты постоянных податей, ибо цинские власти были не в состоянии организовать их взимание на номинально «подвластных» им территориях.

Элементы лавирования между Цинской империей и Россией, допускавшиеся влиятельным султаном Среднего жуза Аблаем, можно объяснить сложной военно-политической обстановкой. Если судить по его конкретным делам, Аблай до конца своей жизни придерживался российской ориентации. Еще в 1759 г. на сибирскую границу были посланы военные инженеры для всех крепостей со штатами, «нужными инструментами и чертежами»⁹⁴. Оборонительная линия была расширена вверх по Иртышу от Усть-Каменогорской крепости до реки Бухтармы для того, чтобы не только преградить проход «неприятельских судов», но также обеспечить прикрытие рудников. Кроме того, продолжение оборонительной линии непосредственно вдоль границы во многом облегчило бы защиту телеутов и других подданных России, в том числе казахских родов Среднего жуза, кочевавших в пограничной зоне.

В 1760 г. комендантам верхнеиртышских и других укреплений было разослано специальное распоряжение правительства о занятии русскими войсками земли от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера включительно. Этим указанием предусматривалось «построение в удобных местах крепостей и заселение той стороны по рекам: Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим рекам, впадающим в оные и в Иртыш, русскими людьми до двух тысяч человек»⁹⁵.

В 1763 г. в Западную Сибирь был откомандирован генерал-поручик И. Шпрингер, который имел задачу выяснить возможности защиты сибирских владений России в случае вторжений войск цинов.

Для обследования районов озера Зайсан и Черного Иртыша в этом же 1763 г. была снаряжена экспедиция под началом поручика Генезера. Ему ставилась задача выяснить, могут ли неприятели вторгнуться в Западную Сибирь на судах по Иртышу⁹⁶. Экспедиция возвратилась с успокоительным известием, что ни лодок, ни ле-

са для постройки их в долине Черного Иртыша нет. Было решено воспользоваться благоприятной обстановкой и начать строительство крепости, которая служила бы крайним форпостом на границе.

Бухтарминская крепость была основана на правом берегу Иртыша в 1761 г. Это дало новый толчок заселению края русскими переселенцами, способствовало ускорению хозяйственного освоения Восточного Казахстана с его несметными запасами цветных металлов и других природных богатств. Русской промышленности нужны были источники сырья и дешевые, широко доступные рынки для сбыта продукции мануфактурного производства. Казахстан мог стать и фактически становился уже в процессе развития политических и экономических связей крупной базой многих видов сырья, удобным и выгодным рынком реализации российских товаров.

Потребности хозяйственного освоения обусловили постепенный рост численности населения крепостей и многочисленных селений. Правительство своими распоряжениями поощряло рост числа жителей пограничных укреплений. Еще при основании крепостей здесь были поселены драгуны, казаки из башкир, а также ссыльные поселенцы. В 1760 г. к линейным казакам были присоединены донские и башкирские казаки. С 1762 г. военно-опорные пункты стали заселяться «колодниками» (арестантами), переведенными для «починки» и «переделки» крепостных сооружений. Начиная с 60-х гг. XVIII в. в верхнеиртышских укреплениях были поселены небольшими группами отставные нижние военные чины с отводом на каждого из них по 20—30 десятин земли⁹⁷, что благоприятно отразилось в решении продовольственного вопроса как для жителей крепостей и других окрестных селений, так и для казахов-кочевников, испытывающих постоянный недостаток в хлебе.

Несколько раньше специальным указом правитель-

ства от 17 октября 1760 г. было рекомендовано «поселить» в верхнеиртышском районе крестьян-разночинцев из Тобольска. В 1775 г. в число казаков были включены также ссыльные, водворенные в близрасположенные к крепостям селения⁹⁸. Официальные документы выделяют их из общего состава населения как «крестьян-поселенцев». Наибольшее количество их было зафиксировано по Семипалатинскому уезду Колыванского наместничества⁹⁹, в состав которого входила тогда и Усть-Каменогорская крепость. Еще в марте 1744 г. в Усть-Каменогорской крепости проживал 141 ссыльный. Многолюдным был и Коряковский форпост. Христофор Барданес определял за 1772 г. количество населения Семипалатинской крепости в 549 человек, а в конце 80-х гг. XVIII в. численность жителей в ней достигла 900 душ обоего пола, в том числе ссыльных колодников было 200 человек¹⁰⁰. Значительно возрастал с течением времени удельный вес казаков.

Сибирские власти ходатайствовали перед правительством о переселении крестьян из внутренних губерний России на плодородные земли Алтая и Восточного Казахстана. Это в определенной мере содействовало решению продовольственного вопроса. Только лишь по Усть-Каменогорскому ведомству в начале 60-х годов XVIII в. прибыло из европейской части России 520 поселенцев¹⁰¹.

Одновременно постоянно усиливалась обороноспособность Семипалатинской, Ямышевской, Бухтарминской и других крепостей, редутов, форпостов. В 1764 г. начальник Сибирской пограничной линии И. И. Шпрингер распорядился «исправить» Омскую, Семипалатинскую крепости по новым чертежам. Усть-Каменогорская крепость И. И. Шпрингером была признана главным из всех верхнеиртышских укреплений, «углою точкой», где смыкались Ишимская и Иртышская линии¹⁰².

П. С. Паллас писал: «Ямышевская крепость стоит на

весьма высоком берегу реки Иртыша. Она имеет четырехугольную форму. С берега Иртыша хотят оную обнести оградою и батарею. Но крутой и высокий берег служит ей и без того природным укреплением»¹⁰³.

По мере укрепления дружеских отношений России и Среднего жуза «письменные и личные сношения» начальников войск пограничной линии с султанами, старшинами и другими влиятельными лицами в степи стали возрастать. То, что последние не владели русским языком, создавало дополнительные затруднения, а подчас «тормозило дело». Поэтому пограничные власти хлопотали о достаточном штате переводчиков. Так, в 1765 г. в крепости Омской содержался один переводчик с маньчжурского и монгольского языков, на случай болезни или отсутствия его в помощь ему давали еще одного переводчика с тех же языков. В крепости Железнской — один переводчик с жалованьем в 12 рублей, в Ямышевской — два переводчика, в форпосте Семилярском — один переводчик с жалованьем в 12 рублей, в Семипалатинской крепости — два переводчика с жалованьем по 12—18 рублей. 28 февраля 1765 г. генерал-поручик И. И. Шпрингер ходатайствовал перед Государственной коллегией иностранных дел об утверждении «расписания переводчиков и толмачей по нашей (сибирской — Ж. К.) границе»¹⁰⁴.

Немаловажную роль сыграло открытие в 1787 г. в Омске так называемого «Азиатского училища», предназначенного в основном для детей казахов¹⁰⁵. В нем преподавались татарский, арабский, персидский языки¹⁰⁶. В лице выпускников этого училища пограничное начальство имело теперь образованных для того времени переводчиков со среднеазиатских и других языков.

С углублением русско-казахских отношений число казахов, добровольно принявших российское подданство и свободно кочевавших, например, в районе расположения верхнеиртышских укреплений и городов, все

росло. 4 октября 1776 г. в Ямышевской крепости приняли русское подданство 5000 казахов Среднего жуза. На приведение их к присяге и на «угощение» было израсходовано 16 рублей 30 коп. Кроме того, командующий Сибирской линией генерал Деколонг прислал из Омска в виде подарков разные вещи¹⁰⁷.

В 1789 г. султан Чурыпай с 4000 кибиток казахов Старшего жуза прикочевал к Усть-Каменогорской крепости.

Немалую роль в упрочении русско-казахских политических и других связей во второй половине XVIII в. и усилении значения крепостей Восточного Казахстана сыграло разрешение царских властей казахам Среднего жуза переходить через Иртыш, поселяться на его правой стороне. Екатерина II в 1788 г. санкционировала этот переход. «Видев из рапортов, присланных от Вас к генерал-губернатору князю Вяземскому,— писала она о своем решении по этому вопросу,— что некоторые из султанов и старшин киргиз-кайсацкой Средней орды, при тогдашнем наблюдении ими доброго поведения, исполнении безоговорочно приказаний линейных начальников... сохранении верности и усердия к нам, изъявляют желание к переселению из дальних степей во внутреннюю российскую сторону, и по сему случаю предписывали Вам прошения, объявленные киргизскими старшинами, удовлетворить, наблюдая только, чтобы оные переведенцы поселены были в весьма близком один от другого расстоянии»¹⁰⁸.

Разрешение перехода казахам Среднего жуза через Иртыш для кочевания на свободных землях было подтверждено в указе императора Павла I от 26 ноября 1799 г. «О даче убежища переходящим из Средней киргиз-кайсацкой орды и вступающим в российское подданство султанам и старшинам с их кибитками»¹⁰⁹. Этим распоряжением воспользовалось в том же году множество казахов Среднего жуза (более 15 000 семей),

перешедших на правую сторону Иртыша, часть которых, как сообщил начальник Усть-Каменогорской таможенной заставы командующему Сибирским корпусом Нефедьеву, заняли земли в районе Усть-Каменогорской крепости «для вечной кочевки».

В целом Ямышевская, Железинская, Усть-Каменогорская, Семипалатинская и другие крепости, редуты, форпосты сыграли решающую роль в ограждении казахов Среднего жуза от порабощения Джунгарским ханством. При этом выгодность их месторасположения, наличие артиллерии и обученных регулярных частей вынудили джунгаров воздержаться от прямых военных действий в зоне, на которую распространялась военно-оборонительная функция военно-опорных центров. Сам факт существования крепостей на границе с Джунгарией и Цинской империей (последняя стремилась извлечь наибольшую выгоду из джунгаро-казахского конфликта) в известной степени дал казахам возможность чувствовать себя более уверенно в освободительной борьбе против их злейшего врага — Джунгарии. В годы «актабан-шубырунды»—«великого бедствия» казахское население, безжалостно разоренное, доведенное до отчаяния, находило защиту, спасение в пограничных крепостях, которые к тому же служили пунктами, где казахи принимали присягу на подданство Российской империи, что послужило благоприятным фактором в укреплении доверия и дружбы между казахским и русским народами в сложных политических условиях того времени.

ТОРГОВАТЬ — ВЫГОДНО ВСЕМ

Созданные как военно-опорные пункты, имевшие первоначально оборонительное значение, Усть-Каменогорская, Семипалатинская, Ямышевская, Железинская и другие крепости, редуты, форпосты по мере установления добрососедских отношений между казахским кочевым населением и жителями этих поселений стали играть все более важную роль в усилении торговых связей России с Казахстаном и другими среднеазиатскими народами. В этом не последнюю роль играло то, что по свидетельству источников того времени, эти крепости, особенно Семипалатинская, были расположены в таком месте, где «до сего времени торговая коммерция от давних лет продолжалась»¹. Со времени основания этих военно-опорных пунктов сюда направлялись торговые караваны из Кашгара, Яркенда, приезжали с товарами джунгары, бухарские купцы, даже монголы².

Правительство, проявляя заинтересованность в развитии торговых отношений с казахским населением и другими азиатскими племенами и народами в пограничной зоне, издавало специальные распоряжения, рассыпало всевозможные инструкции, обращая внимание комендантov укреплений на выгодность привлечения к меновой торговле азиатских народов³. Это в немалой мере обусловливалось стремлением властей увеличить поступление в пользу казны пошлинных сборов. Для

контроля производившейся в крепостях торговли с азиатскими народами в заставах и форпостах содержались таможенные смотрители. Но в целом торги «бывали тогда недостаточными, и посему пошлинных сумм собиралось мало»⁴.

Известный дореволюционный исследователь истории Казахстана В. П. Никитин видел причину недостаточного развития торговли в первой четверти XVIII в. в несоблюдении русским пограничным начальством устоявшихся традиций, обычаяв казахского населения. «Главная причина такого плачевного положения дел в степи,— писал В. П. Никитин,— заключалась в том, что русские власти с самого начала подчинения киргиз-кайсаков (казахов — Ж. К.) приняли ошибочную систему управления... и стали действовать наперекор их исконным обычаям и понятиям»⁵. Иной раз это приводило даже к ограблению казахами купеческих караванов, ввиду недовольства скотоводов сокращением пространства их кочевий.

Царское правительство стремилось склонить к торговле джунгар. Сибирская губернская канцелярия в своем отношении в Государственную коллегию иностранных дел в 1729 г. указывала на выгодность развития торговли с Джунгарией при Ямышевской и Семипалатинской крепостях⁶. Еще в 1772 г. сибирские власти распорядились отправить из Семипалатинской крепости для продажи в Джунгарию 250 лошадей, 25 верблюдов и сто седел⁷.

До 30-х годов XVIII в. местом оживленной торговли с калмыками был сибирский город Тара, куда ташкентские, бухарские и другие торговцы привозили шубы, мерлушка, шкурки корсаков, соболей, воск. Однако близость Коряковского, Усть-Каменогорского и других военно-опорных пунктов к границам Джунгарии отодвинула Тару на второй план⁸.

С целью выяснения возможностей налаживания бо-

лее стабильных торговых отношений в 1734 г. из Усть-Каменогорской крепости в Джунгарию был снаряжен караван, который благополучно вернулся оттуда с различными товарами⁹. Занимательность в развитии торговли в русских крепостях и русских селениях проявляла и сама Джунгария. Уже упоминавшийся нами Галдан-Цэрэн в 1732 г. отправил в Москву вместе со своим недавним гостем майором Л. Угримовым своего представителя Зогду-хана, с которым в Семипалатинскую крепость приехала большая группа калмыцких и других купцов. Посол Галдан-Цэрена возвратился из Москвы через Тобольск в 1736 г. с ценностями подарками. В 1738 г. Семипалатинскую крепость посетил джунгарский караван в составе 250 человек торговцев с их работниками. Часть из них, пользуясь благоприятными условиями, направилась в Ямышевскую крепость, другая часть — еще далее, в Томск. Казенный караван джунгарского правителя во главе с бухарцем Юсупходжой прибыл в Ямышевскую крепость 18 июля 1746 г., откуда отправился затем в Тобольск¹⁰.

Джунгари покупали в основном скот. По данным за 1733 г., цена лошади составляла 3—4 руб., барана — 35 коп.¹¹

Сибирская губернская администрация, поощряя приезд калмыцких купцов в города и другие внутренние поселения, разрешила пропуск джунгарских товаров также на Ирбитскую ярмарку, что незамедлительно вызвало недовольство самих русских торговцев, опасавшихся конкуренции.

Одновременно осложнилась и военная ситуация на казахско-джунгарской границе. Купцы предложили сибирскому губернскому начальнику разрешить калмыкам покупать или променивать свои товары только в двух пограничных крепостях — Ямышевской и Семипалатинской¹². Вслед за этим последовало запрещение бухарским и джунгарским купцам заезжать в сибирские

города и слободы. Только для собственных товаров Галдан-Цэрена было сделано исключение и дозволено пропускать их в Тобольск. В 1746 г. в Москву вновь приехали джунгарские послы: Маладаши, Авизбай. Правительство России подтвердило свое прежнее решение — продолжать торговлю через Сибирскую линию, при этом предписав пограничному начальству поддерживать «с калмыками доброе согласие и не делать никаких обид»¹³.

Джунгарским представителям недвусмысленно было заявлено, что пунктами для торговли с ойратами по-прежнему будут служить лишь две крепости: Ямышевская, Семипалатинская. В официальном распоряжении правительства указывалось: «Пошлины бы с них, калмыцкого владельца купцов не брать, а брать бы с российских купцов»¹⁴. Однако если джунгарские торговцы изъявляли желание вести операции во внутренних городах России, то их товары облагались пошлинами, «...буде которые у Ямышева и Семипалатинской не исторгуются и захотят ехать в Тобольск и другие сибирские города... и с тех пор бы его, Галдан-Цэрена купцов, с товаров их пошлину осматривая, по-прежнему брать у Ямышева и Семипалатинской. А без осмотру станет их пропускать, то будет казне весьма убыток. А товары у российских купцов они купят, осматривать и с них пошлины брать обыкновенно»¹⁵, — подчеркивалось в распоряжении правительства.

Такого рода распоряжениями правительство рассчитывало гарантировать организованное поступление пошлин в казну и по возможности положить конец обширной контрабанде, а также как-то избавиться от частых посещений джунгар, которые, разъезжая по юго-западной Сибири, доходили до Иркутска и нередко оставались в сибирских городах и пограничных укреплениях, организовывая при них многолюдные фактории. Тайком они вели сбор различных сведений политического и обо-

ронительного характера. Галдан-Цэрэн умело пользовался услугами таких торговцев, включая их в состав посольств, отправлявшихся во внутренние районы России.

Наложение запрета калмыцким купцам посещать другие торговые центры было вызвано также их «беспрестанными ссорами» с жителями пограничных селений¹⁶. Одновременно был ограничен допуск русских торговцев в джунгарские пределы¹⁷. Основную часть торговли с джунгарами производили среднеазиатские, в частности бухарские, купцы. Посещение ими пограничных пунктов практически не было ограничено — этим правительство России стремилось произвести благоприятное впечатление на народы Центральной Азии. Особенно частыми гостями крепостей Восточного Казахстана являлись бухарцы. Они привозили в сибирские укрепления из Джунгарии и Ташкента¹⁸ хлопчатобумажные ткани, известные тогда под названием «иркетчины», шкуры волков, лисиц, овчины, тулуны и другие традиционные товары. В отдельные верхнеиртышские крепости бухарцы привозили товары 15 наименований. В январе 1744 г. на Ямышево озеро прибыли приезжие бухарцы в составе 285 человек, доставившие 10 529 тюков бязи (бумажная некрашеная ткань), 6050 — зенденей (бумажная, но более толстая ткань), 9610 — чагдаров (бумажная ткань белого цвета, лощеная), 8730 выбоек, 324 шкуры волков. Среди приезжих бухарцев были и торговцы скотом. 23 сентября 1746 г. бухарцы привезли в Ямышевскую крепость 1000 баранов, 318 быков, 188 лошадей и др.¹⁹ Лишь только в 1747 г. в Семипалатинскую и Ямышевскую крепости таких товаров было доставлено разными азиатскими, в том числе среднеазиатскими, торговцами 9749 тюков²⁰. О росте числа приезжих среднеазиатских купцов свидетельствуют данные²¹.

	в Ямышевскую	в Семипалатинскую		
	1747 г.	1748 г.	1750 г.	1751 г.
бухарцев	350	348	261	593
калмыков	34	—	54	30

27 марта 1748 г. командующий отдельным Сибирским корпусом в инструкции комендантом пограничных пунктов распорядился построить гостиные дворы «для порядка приезжающих иностранных купцов», что и было сделано. Наряду с этим предусматривалась проверка в целях недопущения ввоза или вывоза так называемых «запретных товаров» и обеспечения организованного сбора пошлин. В той же инструкции предписывалось: «...когда кто с товарами в Ямышев и Семипалатинск явится, то возы, не допуская по дворам становиться, поставлять на частном дворе, где досмотру надлежит»²².

Затем последовало указание Государственной Коллегии иностранных дел в 1753 г. «места для торговли огородить палисадником»²³. Вскоре в этих крепостях были открыты специальные таможни. В 1754 г. в Ямышевской и Семипалатинской крепостях были назначены таможенные комиссары²⁴, в обязанность которых была вменена проверка проходящих здесь караванов. Были отведены места для товаров российских и татарских купцов, построено несколько изб для приема казахских купцов²⁵. В 1757 г. в Ямышевской крепости были построены гостиный двор, 32 лавки и таможня, но они сгорели во время пожара 1761 г.

Казахских же торговцев, приезжавших в крепости, было мало, и сбор пошлинных сумм был невелик²⁶. В 40-х годах XVIII в. казахи Среднего жуза в основном посещали Ямышевскую крепость. Так, в 1747 г. сюда приезжало 40 казахов-найманов, подвластных султану Аблаю, с лошадьми, мехами, овчинами, войлоками и туулупами²⁷.

Вот размеры пошлин с казахских торговцев по Ямышевской крепости: в 1754 г.— 125 руб. 56,4 коп., в 1755 г.— 394 руб. 59,4 коп., 1756 г.— 894 руб. 52,5 коп., 1757 г.— 685 руб. 13 коп. Для сравнения по Семипалатинской крепости сумма пошлинных сборов с торговцев других национальностей за 15 лет (с 1755 по 1770 г.) составила 15 770 руб., за этот же период в Ямышевской крепости — 13 385 руб. 70,5 коп²⁸.

Российские торговцы привозили для обмена чугунные и железные котлы, разные сукна, ведра, бархат, воск, олово, сахар, хлеб, то есть такие товары, в которых кочевое население испытывало острые потребности. Однако по таможенному уставу, принятому 1 декабря 1756 г., для всех российских купцов, производящих торговые сделки с зарубежными странами через пограничные пункты, была введена паспортная система. «...С приказчиками и работниками-де их пропустить по паспортным данным из городских магистратов, в которых писать именно, что купец с товарами своими имеет ехать для торгового промысла за границу...»— зафиксировано в таможенном уставе. При оформлении документов купцы должны были указать состав приказчиков и других работников²⁹, с которыми они намеревались отправиться в степь.

В годы джунгарских набегов в Казахстан следование по караванным путям и маршрутам было небезопасным, вследствие чего хозяйственным связям Казахстана с Россией был нанесен значительный ущерб. Положение изменилось после разгрома Джунгарского ханства в 1757—1758 гг. Не случайно просьбы султанов Среднего жуза Аблая и Абулфаиза о разрешении торговли в Ямышевской крепости датируются 1760 г. После этого казахи подвластных султану Абулфаизу волостей — Сиван-Кирейской, Каракирей-Найманской, Бура-Найманской и султану Аблаю — волостей Увакской и Кипчакской — чаще стали посещать Ямышевскую и другие

крепости. Они привозили для обмена мягкую рухляедь, овчины, мерлушки, войлоки, кошмы, пригоняли рогатый скот и лошадей. Из года в год росло число казахских торговцев, производивших в пограничных укреплениях меновую торговлю. Так, если в 1765 г. в Семипалатинске побывало 120 казахских торговцев, то в 1776 г.— уже 203³⁰. Они приобретали мануфактурные изделия, а также хлеб. Беспошлинное снабжение кочевников и полукочевников хлебом имело для них большое значение.

В начале 60-х годов XVIII в. с целью широкого привлечения торговцев из азиатских стран в наиболее крупных укреплениях начали открываться специальные меновые дворы. В 1760 г. новый сибирский губернатор Д. И. Чичерин ходатайствовал перед Государственной коммерц-коллегией о создании меновых дворов на Сибирской линии, что и было удовлетворено³¹. В этом же году меновой двор был открыт в Семипалатинской крепости. При этом интересы русского правительства совпадали с интересами кочевников и особенно влиятельных феодалов. Султан Абулфаиз лично в 1760 г. отправил к сибирскому пограничному начальнику «почетного старшину» просить разрешения торговать в Семипалатинске³², а затем послал в Петербург своих доверенных: Бекмурзу и Кудайбергена с прошением принять его с подвластными ему родами Среднего жуза в подданство Российской империи. Положительным результатом этого явилось то, что казахи, находившиеся во владении Абулфаиза, перекочевали поближе к Семипалатинской крепости, в ту же часть степи, в которой позже (20—30-х гг. XIX в.) были открыты Каркаралинский, Сергиопольский и Кокпектинский уезды и округа.

9 октября 1763 г. генерал-майор К. Л. фон Фраундорф сообщил в Сибирскую губернскую канцелярию о прибытии в Семипалатинскую крепость посланников Абулфаиза. Целью их приезда, по словам К. Л. фон Фраундорфа, было установление более стабильных

торговых связей казахов с русскими купцами³³. Последние в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. производили открытую торговлю в Ямышевской, Семипалатинской крепостях³⁴.

В 1765 г. меновой двор был открыт и в Усть-Каменогорской крепости, при которой была учреждена таможенная застава с надзирателями и объездчиками. Кочевое население во все возрастающем размере пригоняло крупный рогатый скот, лошадей и овец. На меновых дворах казахи сбывали также продукты животноводческого хозяйства. Соответственно росло число казахских торговцев, приезжавших в крепости. В 1765 г. (с 20 августа по 14 октября) в Ямышевской крепости торговали 350 казахов, в том числе 158 человек, посланных старшинами из владений Аблая и знатным бием Казбеком³⁵.

Кроме русских купцов в торговле принимали участие и жители близлежащих казачьих поселений. 24 декабря 1763 г. Государственная коммерц-коллегия разослала комендантам пограничных укреплений инструкцию, в которой всем находящимся на Сибирской линии нерегулярным войскам, казакам и их старшинам былосанкционировано производить обмен товарами с приезжающими в таможни казахами «с платежом в казну пошлин»³⁶. Казахам было дозволено торговать только при таможнях. Государственная коммерц-коллегия дала соответствующее указание командующему войсками Сибирской линии, генерал-майору князю П. Д. Горчакову³⁷. В решении правительства, объявленном в Ямышевской и Семипалатинской крепостях, комендантам и чиновникам таможен предписывалось не чинить препятствий производить казакам обычные торги с кочующими около Верхнеиртышской линии казахами-скотоводами³⁸.

В 60-х годах XVIII в. русские торговцы не только привозили предметы мануфактурного производства, но

и продавали казахам разные сорта хлеба, о цене которого говорят данные за 1762 г.

По Ямышевской крепости (стоимость пуда в коп.)³⁹

	май	июнь	сентябрь	октябрь
Мука пшеничная	45—50	35—40	40—50	30—36
ржаная	35—49	25	30—40	24—30
Крупа	—	35	40—50	50

По Семипалатинской крепости:

	май	июнь	июль
Мука пшеничная	30—45	50	40—50
ржаная	30	35	33
Крупа	33	33	35

В одном из своих директивных указаний (60-е годы XVIII в.) правительство рекомендовало пограничной администрации «...принимать народ сей к продолжению с нами торговых связей и поступить к прочным на будущее время основаниям, внушить при этом подчиненным своим, дабы они обходились с новым купечеством, сколько можно ласково». При этом власти подчеркнули свою готовность сурово, «по всей строгости закона» наказывать тех чиновников таможен, которые будут уличены «в оскорбительных и неосторожных поступках»⁴⁰ по отношению к азиатским торговцам. 18 марта 1763 г. Екатерина II заявила в сенате: «Господа, известно Вам, какой важности есть для пользы... торг здешний с чужестранными народами, сколько нужно по нему помышлять и стараться всеми силами о большом распространении оного и до какой степени с добрым решением умножить коммерцию с азиатцами со стороны Оренбурга»⁴¹.

Руководствуясь этими и другими указаниями правительства, начальство Сибирской линии привело в исполнение целый ряд конкретных мер по привлечению корен-

ных обитателей степи к торговле: с 1760 г. для приема и угощения влиятельных кочевников комендантами крепостей отпускались определенные средства: Железинской — 50, Ямышевской — 45, Семипалатинской — 45, Усть-Каменогорской — 100; а также (для сравнения) Бийской — 50, Пресногорьковской — 50, Петропавловской — 200 руб. Для того чтобы «приохотить» казахов в крепости, в них были устроены мечети для лиц мусульманского вероисповедания и караван-сараи вообще для приезжих. По просьбе бухарцев, казахов и российских купцов почти во всех относительно крупных укреплениях были учреждены гостиные дворы, находившиеся «под смотрением» директоров таможен⁴².

С созданием обстановки доверия между кочевым казахским населением и жителями верхнеиртышских укреплений стало возрастать и значение второстепенных с точки зрения численности населения и обороноспособности форпостов и укреплений. К ним можно причислить Железинск, который в первой половине XVIII в. в системе Сибирской пограничной линии заметной роли не играл. После разгрома Джунгарского ханства казахи Среднего жуза вплотную приблизились к местам расположения военно-опорных пунктов и Железинская крепость, как и другие укрепления, была втянута в сферу хозяйственных связей с кочевниками. Торговля с казахами в Железинской крепости была разрешена в 1764 г. — значительно позже, чем в других крепостях. Пошлины сборы, поступавшие в казну, из года в год увеличивались: в 1764 г.—16 руб. 26,4 коп., в 1768 г.—25 руб., в 1769 г.—54 руб. 41,4 коп. В целом по Железинской таможне с 1764 по 1784 г. пошлининых сумм было собрано на 518 руб. 43,4 коп.⁴³.

Коряковский форпост (будущий город Павлодар) был известен по всей Сибири и казахской степи как центр торговли солью, тому причиной послужило близкое расположение к нему соленого озера. Капитан Ун-

ковский, побывавший в этих местах еще в 1722 г., писал: «Соль родится такова хороша и бела, какова вареная бывает, и оною солью мало что не вся Сибирь довольствуется... в (о)круг оного почитают 10 верст»⁴⁴. От реки Иртыш Коряковское озеро находилось в 22 верстах, в степи. Путешественник Христофор Барданес, посетивший этот район в 1771 г., писал: «...оное со смежным озером Карасу для большей части Сибири даетоваренную соль в достаточном количестве»⁴⁵. В самом Коряковском форпосте постоянно проживало много соляных поставщиков и хранилось несколько сот тысяч пудов соли. К 60-м годам XVIII в. относится открытие пристани для доставки на баржах и судах в Тобольск казенной соли, добываемой из Коряковского озера. Об объеме добычи соли говорят следующие цифры: в 1768 г.—169 405, в 1769 г.—297 187, в 1770 г.—190 505 пудов⁴⁶. Ежегодный вывоз соли в Екатеринбург (Свердловск), Тобольск, Томский уезд составил 300 тысяч пудов. Что же касается торговли скотом и другими традиционными товарами азиатских народов, то в этом Коряковский форпост заметно уступал Ямышевской, Семипалатинской таможням.

В декабре 1766 г. Государственная коммерц-коллегия рассмотрела рапорт командующего Сибирской линией генерал-поручика И. И. Шпрингера, в котором содержались любопытные сведения о готовности бухарцев из Туркестана «выходить с большими караванами и производить торг» в Семипалатинской и Ямышевской крепостях. Инициатива исходила лично от самого хана Среднего жуза Абулмамбета, 15 ноября 1767 г. по указанию императрицы Екатерины II просьба посланников Абулмамбет-хана была удовлетворена⁴⁷.

Благоприятное развитие торговых отношений кочевников с жителями пограничных селений и казаками было обусловлено и ослаблением междоусобиц, в связи с присоединением края к России. При этом известную по-

ложительную роль играло влияние султана Аблая⁴⁸, содействовавшего процессу консолидации казахских земель.

Об объеме торговли в двух таможнях и меновых дворах говорят данные⁴⁹:

годы:	В таможнях				В меновых дворах			
	Семипалатинская		Ямышевская		Усть-Каменогорский		Железинский	
	руб.	коп.	руб.	коп.			руб.	коп.
1767	1 074	17	217	81		—	38	80
1768	2 754	13	138	22		—	29	50
1770	1 378	81	135	56		—	19	

Оберегая русских торговцев от возможной конкуренции иностранцев, в 1769 г. правительство запретило за рубежным купцам продавать в крепостях товары, которые в самой России производились в достаточном количестве. В числе таких товаров упоминались фарфор и «каменные» посуды с глазурью. Запрет распространился также на отдельные виды золотых, серебряных изделий и монет, за исключением «червонцев и ефимков»⁵⁰. На наш взгляд, это решение правительства касалось прежде всего китайских и бухарских купцов. Последние ранее нередко привозили в Омскую, Ямышевскую, Семипалатинскую крепости серебро в слитках, золото в червонцах⁵¹.

Вообще в 60-х годах XVIII в. сбор пошлинных сумм составлял (приводятся сопоставительные данные и по другим крупнейшим таможням): за 1760 г. по Оренбургской — 212 244 руб. 16,5 коп., Троицкой — 17 167 руб. 41,3 коп., Ямышевской — 404 руб. 95,5 коп., Семипалатинской — 335 руб. 17,4 коп.; за 1769 г. соответственно —

64 696 руб. 75,1 коп., 16 416 руб. 92 коп., 377 руб. 24,5 коп., 4003 руб. 23 коп.⁵².

То, что сумма пошлин по Оренбургской и Троицкой таможням во многом превосходила таковые по Ямышевской, Семипалатинской крепостям, было связано с установлением более стабильного положения в северо-западной части Казахстана, чем в его восточных районах.

Приезд в меновые дворы купцов из внутренних губерний — обычное явление. Здесь часто можно было встретить торговый люд из Казани, Тобольска, Тары, Тюмени, Курска, Оренбурга. Они привозили сахар, ведра, оловянную посуду, железные изделия и другие товары⁵³. Наиболее «привлекательными» для русских торговцев были Усть-Каменогорская и Семипалатинская крепости. В Усть-Каменогорскую крепость для торга приезжали «с дополненным (дополнительным) числом купцов»⁵⁴. Если сравнивать пошлинные сборы по Усть-Каменогорской крепости с другими укреплениями, то мы видим, что Усть-Каменогорская уступала только Семипалатинской таможне. Эти успехи были достигнуты за сравнительно сжатые сроки, ибо, как мы выше отметили, меновой двор в Усть-Каменогорской крепости был открыт лишь в 1765 г.

Приведем сопоставительные данные с 1767 по 1773 г. По Омской крепости пошлинные сборы составляли 509 руб. 82 коп., по Железинской — 238 руб. 92 коп., по Ямышевской — 842 руб. 87 коп., по Семипалатинской — 14 741 руб. 78,5 коп., по Усть-Каменогорской крепости — 1051 руб. 5 коп. Кроме того, в Усть-Каменогорскую крепость часто стали наведываться китайцы, которые «в здешнем краю никогда оной (торговли — Ж. К.) не производили». Начальство Сибирской линии предписало коменданту этого укрепления «не препятствовать сией торговле»⁵⁵.

В этот период Россия оставалась одной из немногих стран, ведущих с Цинской империей стабильную сухопутную торговлю. Ее главным центром был район Кях-

та-Маймаген. Однако недавно завоеванные пограничные районы Цинской империи, как например, Синьцзян, все еще оставались почти закрытыми для русских купцов, и Сибирская администрация не имела даже возможности вступить в официальные контакты с местными властями⁵⁶.

На фоне возрастания удельного веса Усть-Каменогорской крепости роль, например, Железинской и Коряковской таможенных застав несколько упала: по Железинской крепости было собрано пошлин: в 1771 г.— 36 руб. 41 коп., в 1774 г.— 32 руб. 61,2 коп., в 1778 г.— 41 руб. 61 коп.; по Коряковскому форпосту: в 1771 г.— 82 руб. 31,2 коп.; в 1774 г.— 52 руб. 40 коп.; в 1779 г.— 47 руб. 34,9 коп.⁵⁷ Заметное снижение пошлин наблюдалось и по двум другим крупным таможням: в 1770 г. по Ямышевской — 135 руб. 56 коп., по Семипалатинской — 1378 руб. 81 коп.⁵⁸ Это можно объяснить прежде всего тем, что по Сибирскому тарифу 1761 г. с российских купцов, которые приобретали у азиатских торговцев товары, «никаких пошлин брать не велено» было.

Приводимая ниже таблица свидетельствует об объеме и ассортименте товаров, привозимых ташкентскими и бухарскими купцами в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости (за 1770 г.)⁵⁹.

Наименование товаров	Семипалатинская	Ямышевская	Омская
1. Армячины верблюжьей шерсти (аршин)	42	49	8
2. Бязей бумажных, белых, полосатых (аршин)	3670	5	3
3. Китайский бархат (аршин)	81	—	—
4. Войлоков овечьей шерсти (пудов)	117	44	9
5. Быков и коров (штук)	1075	338	573
6. Баранов и овец (штук)	780	9	247

Торговля в укреплениях Восточного Казахстана заметно пошла на убыль и в связи с обострением напряженности в пограничной зоне, когда в начале 70-х годов XVIII в. несколько десятков тысяч калмыков с берегов Волги попытались вернуться «на свою историческую Родину»— Джунгарию через казахскую степь; а затем в связи в восстанием Пугачева.

В 1777 г. был обнародован новый тариф для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен, по которому пошлины на азиатские товары были снижены. В дополнение к тому был разрешен беспошлинный привоз хлопчатобумажных изделий, шелка, шерсти и крупного рогатого скота ⁶⁰, что было выгодно как казахским скотовладельцам, среднеазиатским торговцам, так и русскому купечеству, по доступной цене скупавшему большими партиями разный скот, пропуск которого в «российскую сторону» из года в год увеличивался. Так, казахи волостей Атыгайской, Бура-Найманской, Увакской через Ямышевскую крепость и близрасположенные к ней редуты и форпосты перегнали лошадей: в 1780 г.— 44 000, 1781 г.— 50 900, 1782 г.— 83 100, 1784 г.— 87 500, через Железинскую крепость: в 1770 г.— 300, 1778 г.— 5400, 1780 г.— 15 000, 1784 г.— 28 000 ⁶¹.

В 1777 г. последовало указание для городских мещан, «кои не имеют капитала свыше пятисот рублей, впредь не причислять себя к купеческим гильдиям». Причем в том же распоряжении была дана строгая инструкция, согласно которой обанкротившихся купцов решено было «вписывать в мещан»⁶². Сосредоточение торговых операций в руках наиболее платежеспособных купцов в известной степени способствовало их упорядочению.

Для русских купцов выгодность товарообмена заключалась в том, что реальная, или покупательная стоимость русской денежной единицы казахам была мало известна. За полученные у российских торговцев товары кочевники платили в тридорога ⁶³. Серебряные и золотые

монеты шли в степь в основном в качестве средства обмена, а отчасти как предмет дорогого украшения для жен и дочерей кочевников.

Дальнейший рост ввоза русских товаров, расширение его ассортимента изменили отношение кочевников к деньгам. Потребности казахов в изделиях русского фабрично-заводского производства неуклонно росли. Казахскому населению приходилось отчуждать все больше продуктов скотоводческого хозяйства в обмен на товары, которые они сами не производили. Широко практиковавшийся натуральный обмен продуктов животноводства на русские изделия становился все более неудобным и давал выгоду в основном российским торговцам, что возбудило интерес кочевников к постижению смысла, стоимости и назначения денежных знаков. В связи с проникновением в степь элементов денежной торговли меновой обмен отошел на второй план.

Однако переход к денежной форме торговли для коренных жителей степи обошелся дорого. Казахи низко оценивали скот и продукты животноводства и, наоборот, непомерно высоко платили за изделия, которые им предлагали русские купцы и «торгashi-татары»⁶⁴. Российские купцы и представители других стран, используя крепости Восточного Казахстана как перевалочные или транзитные центры, отправляли караваны с товарами в Бухару, Ташкент, Тибет и в далекий, малоизвестный в то время Кашмир. Знатные султаны и бии сами проявляли готовность гарантировать безопасность этих караванов, подкрепляя это конкретными мерами. Султан Среднего жуза Абулфаиз, желая доказать свою непричастность к случаям ограбления купцов, наносившим ущерб русско-казахским отношениям, «приказывал купеческие ташкентские и кашгарские караваны препровождать всегда (подчеркнуто нами — К. Ж.) знатнейшим людям или своим сыновьям...»⁶⁵. Наблюдались и факты, когда приказчики и другие работники купцов, присваивая товары

своих хозяев с целью наживы, разыгрывали из себя потерпевших, с притворством убеждая, что они ограблены казахами. Такие случаи вынуждено было признать начальство пограничной линии, в частности генерал-майор Я. Баувер, в рапорте Екатерине II от 9 апреля 1795 г.⁶⁶

Действенные меры предотвращения ограбления купцов предпринимались и по правительенной линии: предписаниями правительства от 2 ноября 1797 г. и от 6 сентября 1798 г. было узаконено выделение отрядов для охраны и сопровождения караванов до пунктов их назначения.

В целом, крепости Восточного Казахстана, в силу удобства их местоположения на границе России с кочевьями Среднего жуза, а также вследствие усиления их роли как центров русско-казахских политических отношений, во многом содействовали развитию взаимо выгодных торговых связей между скотоводческим населением и жителями пограничных укреплений, с одной стороны, и джунгарскими, среднеазиатскими, китайскими купцами — с другой. Основание и дальнейшее развитие укреплений дали толчок заселению Восточно-Казахстанского края. В условиях сохранения казахско-джунгарской конфронтации в пограничной зоне лишь под защитой крепостей было возможно на первых порах земледельческое освоение свободных земель. Оживлению русско-казахских отношений во многом содействовали поощрительные меры правительства, которое использовало торговлю как средство усиления своего политического влияния среди казахских племен.

УКРЕПЛЯЯ РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ

Завершение добровольного присоединения Среднего жуза к России внесло значительные по своим последствиям изменения: укрепились русско-казахские связи, были налицо прогрессивные перемены в торгово-экономических отношениях жителей крепостей и других русских селений с кочевниками, в степи постепенно складывались благоприятные условия для расширения общения между казахским и русским населением. В закреплении и в дальнейшем углублении результатов этих явлений или процессов доминирующую роль играли города Восточного Казахстана.

Среди других решений, способствовавших расширению взаимосвязей между русским населением и казахскими родами, можно отметить указ императора Павла I от 21 ноября 1799 г. «...о пропуске средней киргизскойсацкой орды владения Аблайхана и Ходжи Мулла Кочина на сию (правую — Ж. К.) сторону реки Иртыш». Однако использование свободных земель для кочевки разрешалось далеко не всем, «а позволена испытанным из них в верности»¹.

Крайняя нужда в получении прав кочевания на территории, находящейся под контролем царских властей, возможности широкого сбыта в крепостях продукции скотоводческого хозяйства побудили отдельных казахских султанов самим выступить с инициативой развивать двусторонние торговые связи. Так, султан Алдыбай-Бу-

ра-Найманской волости Среднего жуза Худайменды отправил в Петербург своего сына Габдуллу с просьбой «...иметь позволение по Иртышской линии из Ямышевской дистанции выпускать караваны с товарами»².

Вообще вопрос о выборе удобных пунктов для торговли с казахами и другими среднеазиатскими народами в правительственные кругах обсуждался неоднократно. В самом начале XIX в. одним из крупных центров азиатской торговли на сибирской пограничной полосе была избрана Бухтарминская крепость. Инициаторы этого решения отдавали предпочтение Бухтарминской крепости как одному из главных пунктов торговли с азиатскими народами, учитывая, что «сия (т. е. Бухтарма — Ж. К.) от Москвы на 2000 верст ближе Кяхты и удобнее». 6 марта 1803 г. сенатом министерству коммерции было дано указание «...всячески распространять там (в Бухтарминском укреплении — Ж. К.) торг... поровнять сию таможню с Оренбургской как привозом, так и отпуском и для того разрешить выпуск иностранной серебряной и золотой монеты»³.

Однако надежда царского правительства относительно превращения Бухтармы в основной пункт торговли с местным кочевым населением в начале XIX в. не оправдалась из-за отдаленности расположения этой крепости от населенных мест Томской губернии и Иртышской линии, несмотря на почти десятилетнюю льготу, предоставленную купечеству,— не платить здесь таможенные пошлины за провозимые товары⁴. Оставалось обратить внимание на Семипалатинскую крепость, расположенную как между Иртышской линией и Томской губернией, так и между среднеазиатскими владениями и их восточными соседями. Данное обстоятельство окончательно решило вопрос в пользу Семипалатинской крепости.

В примечаниях к указу сената от 6 марта 1803 г. уточнялось, что «Сибирская линия, на коей производится азиатская торговля, так обширна, что по отдаленности

Бухтарминской таможни от прочих мест не все торгующие могут пользоваться ...пожалованными выгодами, почему весьма бы полезно таковое право распространить и на другие таможни, как-то: Семипалатинскую и Петропавловскую⁵. В соответствии с рекомендацией сената пограничное управление Западной Сибири разработало проект решения «О поравнении Семипалатинской и Петропавловской таможен с Бухтарминской»⁶.

Отметим, что сибирская администрация, перенеся центр пограничной торговли из Бухтармы, также исходила из интересов русских купцов, которые, «производя небольшой торг, большею частью приезжали и всегда находились в Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях. Эти крепости в начале XIX в. были наиболее оживленными пунктами торговли, «на улицах которых встречались бухарские, ташкентские купцы, татары и киргизы (казахи — Ж. К.); оттого города имели какой-то азиатский характер»⁷. В последующие годы льготы по торговле с казахами и городами Западного Китая были предоставлены также и Ямышевской таможне, что было подтверждено в инструкции Государственной коллегии иностранных дел тайному советнику И. А. Вейдемейеру от 18 мая 1803 г.⁸. Правда, Ямышевская крепость, на которую распространялись те же привилегии, которыми пользовались Усть-Каменогорск и Семипалатинск, заметную роль в развитии русско-казахских торговых связей не играла, зато близко расположенный к ней Семипалатинск превратился в один из крупнейших по торговому обороту центров торговли по всей Западно-Сибирской линии⁹. В постановлении правительства от 22 ноября 1809 г. «О дозволении отправлять купеческие караваны из трех мест» (то есть Семипалатинской, Бухтарминской и Петропавловской крепостей — Ж. К.) Ямышевская таможня вовсе не упоминается.

Поощряя приезд азиатских купцов в укрепленные пункты, пограничные власти через таможенные заставы

постоянно следили за «недопуском» для продажи запрещенных министерством коммерции товаров. Например, инспектор Сибирских линий генерал-майор Н. И. Лавров еще 11 августа 1802 г. просил начальника Семипалатинской таможни «подтвердить, дабы не было променено... запрещенных вещей, как-то: огнестрельного оружия, пороха, свинца, российской монеты и солдатского сукна»¹⁰. Поэтому купеческие караваны, проходившие вблизи укрепленных постов, подвергались тщательному осмотру, и лишь после проверки давалось им разрешение следовать по своим маршрутам. Купцы же, избегавшие контрольной проверки, привлекались к судебной ответственности.

Так, 22 августа 1804 г. управляющий Бухтарминской таможней доложил инспектору Сибирских пограничных линий о том, что «жительствующие в ...аулах ташкентцы, передвигаясь необыкновенною дорогою и не уважая приказание директора таможни, чтобы остановить их для осмотра товаров, проехали мимо крепости и форпоста в степь и что при всем старании удержать их они с буйством отбивались, некоторых посланных даже прибили»¹¹.

Естественно, в подобных случаях в пользу государевой казни не поступали доходы в виде пошлин. Поэтому правительство в отдельных случаях сурово наказывало такое самовольство. Так, 16 декабря 1804 г. Министерство коммерции в специальном предписании губернатору Западной Сибири по поводу «дерзких поступков... ташкентцев» потребовало, чтобы он «благоволил принять меры». Начальство Сибирской линии решило отдать оказавших сопротивление чинам пограничной охраны под суд.

С другой стороны, отдельные случаи, когда купеческие караваны избегали таможенных застав, можно объяснить и злоупотреблениями самих чиновников таможен. Они, пользуясь безграмотностью большей части

азиатских купцов, неравнoprавным положением во время пребывания их в крепостях, оскорбляли, обманывали, даже незаконно присваивали товары, подлежащие регистрации в таможенных книгах.

Приведем один характерный пример. В 1796 г. из Константинополя вышли с товарами приказчики багдадского купца армянина Бабаджаняна, которые «снабжены были знатным капиталом». Приказчики «сии, производя торг... в течение десяти лет закупили... разных товаров, как-то: шалей (кашмирских — Ж. К.), серебра, золота и других разных вещей», с которыми «пробравшись благополучно через области Трухмейские (Туркмению — Ж. К.) и Бухарские, прибыли в октябре 1805 г. в Семипалатинскую крепость. Однако незнание ими ни русского языка, ни языков местных народов осложнили их дело, затруднили общение с жителями крепости. Чиновники таможенной заставы на товары чужеземных купцов произвольно установили непомерно высокие пошлины. Об этом купцы писали 5 февраля 1805 г. астраханскому армянину Багданяну: «4 месяца уже тому, как мы в Семипалатинской крепости находимся. Но по незнанию российского языка со здешнею таможнею объясниться не можем. И нет человека, который бы за нас говорил»¹². Директор таможни Масленников и таможенный смотритель Страхов принятыми для клеймения товарами армянских приказчиков распорядились как своей собственностью. Более того, безвыходное положение купцов в чужой стране послужило причиной тому, что они, не выдержав издевательств чиновников, приняв яд, покончили жизнь самоубийством¹³. И работники таможни, виновные в их смерти, были всего лишь устраниены от «исправления» своих должностей.

Одной из причин, тормозивших развитие внутренней торговли и в городах Восточного Казахстана, явились нередкие факты ограбления купеческих караванов. Еще

в 1800 г. для привлечения к ответственности грабителей в крепостях Восточного Казахстана были учреждены пограничные суды. В штате лишь одного такого суда в Семипалатинской крепости состояло 14 человек, которые получали жалованье за службу за счет воинского штата.

Министерство коммерции, учитывая малочисленность учрежденных здесь кордонов и недостатки в устройстве Иртышской линии, в начале XIX в. наметило ряд важных мероприятий, призванных усилить роль пограничных застав и других укреплений по всей Западно-Сибирской пограничной с казахскими кочевьями линии в создании благоприятных условий для торговли. Решением Пограничного управления купцам было предоставлено право иметь при караванах конвойные отряды. 31 марта 1803 г. последовало решение сената, которым предписывалось: «...Дабы купеческие караваны препровождаются были в пути казацкими командами, таким-де образом, поелику они с успехом против киргиз-кайсак употребляются, имея таковое разрешение, мог свободно сей год избавить от грабежа купеческие караваны, шедшие из степи в Семипалатинскую и Петропавловскую крепости...»¹⁴.

В принятии вышеприведенной меры не последнюю роль играла докладная записка иркутского генерал-губернатора И. Селифонтова в министерство коммерции. «Сия заграничная торговля,— говорилось в той записке,— будучи производима наудачу, подвергается иногда грабежам в степи... Имею ходатайствовать перед императорским величеством соизволение, чтобы для конвоирования в степях купеческих караванов давать из служащих по линии казаков доброго поведения надобное число, не более 20 человек для каждого каравана... с пристойным от пограничного начальника наставлением». Однако, по мнению того же И. Селифонтова, купцы за пользование услугой воинского охранения

должны были взять на себя «двойное содержание» конвойного отряда на том основании, что «казаки службу (то есть охрану караванов) несут на собственных своих лошадях и со своим вооружением»¹⁵. Причем И. Селифонтов, не исключая возможности отказа пограничных властей давать отряды для сопровождения караванов, писал о том, что «линейная же сторона, насколько известно, от сих командировок (воинских частей — Ж. К.) ничего потерять не может».

Действительно, в начале XIX в. в Железинской, Ямышевской, Омской, Усть-Каменогорской и других крепостях, а также «при нужных постах» были расквартированы регулярные воинские части, инженерные команды с чиновниками, которые находились в постоянной готовности, чтобы предотвратить случаи набегов кочевников «и для преповождения... караванов в степную сторону»¹⁶. Для этой цели в крепостях и в некоторых крупных форпостах имелись артиллерийские орудия, кроме тех, которые предназначались для непосредственной защиты укрепленных пунктов¹⁷. При таком относительно сильном вооружении гарнизонов крепостей выделение для сопровождения караванов воинских отрядов в количестве не более 20 человек, как этого добивался иркутский генерал-губернатор, не могло серьезно отразиться на снижении обороноспособности этих укреплений.

В дополнение к указу от 19 мая 1803 г. было признано целесообразным, чтобы «конвоирование российских купеческих караванов, отправляющихся через Сибирские линии, ... должно быть как вперед до места их следования, так и обратно, ибо опасность в степях от киргизцев в оба пути одинакова, поелику купцы в Россию возвращаются так же, как отправляются,— с товарами»¹⁸.

Однако такие отряды разрешалось давать лишь в тех случаях, если у купцов имелись специальные пас-

порта, позволяющие им свободно выезжать из таможенных застав в степь. Указом сената от 16 августа 1807 г. такие паспорта стали оформляться не только земскими судами, как это практиковалось ранее, но и начальством Сибирской пограничной линии. В указе внимание чиновников таможен обращено «...на пропуск за границу казанских татар служилых, ясачных... первым, паспорта для сего давать им непосредственно от земских судов, ...вторым, линейному начальству предоставляется право давать сим паспорта только в том случае, когда ясачные (являются — Ж. К.) купцами»¹⁹. Данное указание начальникам таможенных застав, очевидно, было направлено на недопущение к торговле с местными жителями людей, не имеющих опыта и знаний обычаев и традиций местных народов. В 1810 г. некий отставной секунд-майор И. Давыдов, характеризуя состояние торговли русских купцов с народами Азии, писал о купцах, которые, «в невежестве утопая, не знают своих выгод и не в силах производить свой торг. Самая выгодная торговля с азиатскими народами остается ...запустелою, и торговля тамошняя (местная — Ж. К.) управляемся людьми без капиталов»²⁰.

Вот один из конкретных примеров ограничения торговли. В прошении мещанина И. Тебенева командиру 24-й дивизии генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу говорилось следующее: «...принял я от хозяина, купца Самсонова, для заграничного с киргиз-кайсаками торга товары и расположен был с ними отправиться через пограничную таможню в степь. Но за силой воспретительной от Вашего предписания не выпущен... имея товары на знатную сумму без продажи и убытку хозяина... прошу меня через таможню пустить»²¹.

Положительную роль играло распространение на торговлю в этом регионе положения о разделении купцов на три гильдии в зависимости от размера их состояния. От записавшихся в купеческое сословие «брали по

одному проценту в год пошлины»²², что приносило таможенным заставам немало прибылей. Естественно, некоторая часть торгующих не проявляла готовности записываться в «гильдийские» списки. Поэтому правительство, чтобы не «спугнуть» купцов преимущественно из числа лиц коренного населения, разрешало им пользоваться прежними льготами в торговле в русских крепостях. 1 января 1807 г. в манифесте, направленном тобольскому генерал-губернатору, признавалось необходимым «...поселившихся до сего времени для торговли в ближайших к отечеству российских губерниях купцов... не принуждать их к записке к гильдии, оставив их при дарованных им привилегиях...»²³.

Претворение в жизнь перечисленных правительственные мер продолжало тормозиться вследствие незнания многими купцами местных языков, традиций и обычая скотоводческого населения. Начальник Сибирских линий Н. Лавров писал министру торговли графу Н. П. Румянцеву: «...люди, не имеющие обращения с киргиз-кайсаками, не знающие языка и образа жизни их, не могут быть к тому с пользою употреблены»²⁴. Исходя из этого купцы, собираясь в степь для ведения торговли, прежде всего заботились найти таких приказчиков и других работников, которые знали бы обычаи и традиции казахов.

В указе сената 1807 г. было зафиксировано, что «купечество, торгующее... с азиатскими народами через отправление своих к ним караванов, нуждается в приказчиках и работниках, знающих азиатские языки»²⁵.

Основная часть торговли с казахским населением производилась в укреплениях. Известный исследователь истории казахского народа А. И. Левшин в числе известных торговых пунктов на сибирской границе наряду с Оренбургом и Троицком называет Омскую, Усть-Каменогорскую, Семипалатинскую, Петропавловскую крепости²⁶.

Одним из существенных предметов торговли казахов с русским населением продолжала оставаться соль, добывавшаяся на Карасукских, Ямышевских, Калкаманских и Коряковских озерах. «Соляное озеро Ямыш,— писал М. И. Баккаревич,— представляет... весьма чистую соль. Из Коряковского озера выламывается знатное количество соли. Достопамятны и Карабуские соляные озера, лежащие к востоку от крепости Железинской»²⁷. Основным предметом торговли казахов с русскими купцами по-прежнему был скот, а также сырье животноводческого хозяйства, часть которого отправлялась в центральные районы России, даже в Москву²⁸. Русские торговцы ввозили в казахскую степь свои товары в неограниченных размерах. Еще 12 февраля 1806 г. Н. Лавров, отмечая выгодность ввоза в казахскую степь таких товаров, рекомендовал графу Н. П. Румянцеву оживить торг с «заграничным народом. К ним отпускаемы бывають ... медная и железная посуда. Особенно же для киргиз-кайсак чугунная посуда и табак»²⁹. Причем, учитывая тяжесть железной чугунной посуды и трудность доставки подобных товаров на выочных животных, Н. Лавров рекомендовал использовать для этого повозки.

Следует обратить внимание на следующее, на наш взгляд, важное обстоятельство: поощрительные меры правительства по упорядочению торгового значения Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Бухтарминской, Ямышевской и других крепостей, распоряжение сибирских колониальных властей относительно постепенного приобщения казахской степи к хозяйственному организму России ослабили феодально-патриархальные отношения, помогли ликвидировать остатки рабства в степи. Все это приводило к уменьшению роли местной аристократии, усиливая роль купцов, чиновников административно-колониального аппарата. Значит ли это, что в Восточном Казахстане, как и в других частях края,

уже вошедших в состав России, правительство проводило иную политику (более умеренную), чем в самой России? Если военно-политические меры царизма объективно способствовали развитию торговли, постепенному разложению натурального хозяйства казахов, содействовали оживлению взаимных связей между кочевым казахским населением и жителями крепостей, редутов, станиц и крестьянских селений, укрепляли доверие между ними, то это было продиктовано стремлением России создать благоприятные условия для быстрейшего освоения огромных запасов животноводческого сырья и других природных ресурсов, которыми был так богат Восточно-Казахстанский край.

Важным моментом в развитии русско-казахских взаимосвязей и усилении торгового значения Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Коряковска, Бухтарминской крепости и других поселений явились административные реформы генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского. (Восточный Казахстан в географическом и административном отношении тогда относили к Сибири.— Ж. К.). В осуществлении своих преобразований немаловажное значение он придавал развитию торговли, которая «пользовалась поддержкой правительства»³⁰. Однако, на местах в те времена совершалось немало злоупотреблений со стороны работников административного аппарата, смотревшего на торговлю как на источник личной наживы за счет «инородческого» населения, в том числе и казахского³¹.

Значительная удаленность казахских степей от центральных районов России и правительственные учреждений, размещенных в столице, отдавала население почти в бесконтрольную власть местных чиновников. Поэтому целесообразность реформ была очевидна.

Для более подробного исследования и съемки мало изученных районов М. М. Сперанский внес предложение «о приведении в известность земель в Сибири». В состав-

лени этой записки активное участие принимал будущий декабрист Г. С. Батеньков. Кроме того, к законопроектам об управлении Сибирью им было написано несколько пояснительных пунктов: сухопутные сообщения, учреждение этапов, ссыльные «инородцы», сибирские казахи, распространение русской власти на степь Средней орды.

После упразднения ханской власти в Среднем жузе царское правительство, опираясь на «Устав о сибирских киргизах», ввело новую систему управления, разработанную в 1822 г. М. М. Сперанским. По «Уставу» территория казахской степи, занятая под кочевые Среднего и частью Старшего жузов, получила название «Область сибирских киргизов»³² и вошла в состав вновь созданного Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром управления (до 1839 г.) в Тобольске, затем (с 1839 г.) — в Омске.

В «Устав о сибирских киргизах» были включены отдельные положения, разрешавшие «инородцам» свободно производить торговлю в городах. Так, § 46 «Устава» гласит: «Инородцы имеют право сбывать свои произведения... в городах, селениях и на учрежденных ярмарках»; § 59: «Каждый из инородцев и целые народы имеют полную свободу в учрежденных местах приносить жалобы на стеснения и обиды»³³. Положение 1822 г. об управлении сибирскими казахами открыло широкие возможности для расширения торгово-экономических отношений в казахской степи, в известной мере ограничив произвол чиновников административно-колониального аппарата. При недоразумениях между казахскими торговцами и работниками таможен в крепости или городе для решения спорных вопросов приглашались султаны и «почетные старшины».

Средства же для их устройства в пограничных заставах или крепостях выделялись за счет казны «из сумм, на то отпускаемых». В случае надобности корпус-

ным командиром войск Сибирской линии для «гостей» делались «приличные подарки»³⁴.

Согласно «Уставу о сибирских киргизах» право вести торговлю в крепостях, форпостах и других селениях предоставлялось не только казахам, но и кочевавшим вблизи пограничной линии другим «инородцам» и крестьянам. Этим не преминули воспользоваться казанские, ташкентские и среднеазиатские купцы, поселившиеся по разным обстоятельствам на постоянное жительство в Ямышевске, Семипалатинске, Коряковске, Усть-Каменогорске и в Бухтарминской крепости³⁵. В данной связи министр финансов просил тобольского гражданского губернатора³⁶ «собрать сведения... о каждом особо племени ... доставить ему сведения, сколько по управлению Западной Сибири числилось по последней ревизии азиатских народов... много ли капитальных торговцев»³⁷.

Эти распоряжения и меры правительства во многом содействовали оживлению торговых связей между городскими жителями и кочевым населением.

Новые административно-политические изменения расширили возможности местного коренного населения производить торговлю в укреплениях и городах. Казахам было дозволено записываться в купеческие гильдии, вступать в службу, поселяться во внутренних округах³⁸. Им было предоставлено право вести оптовую и розничную торговлю без оформления для этого особых свидетельств. Кроме того, казахи, поселившись в городах и других поселениях, располагая там «домозаводством», могли заниматься хлебопашеством. Купцам из числа коренного населения надлежало уплачивать пошлину наравне с другими торговцами того города, «где они в купечестве записаны», пользуясь при этом пятилетней льготой.

В связи с принятием 6 апреля 1838 г. «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» усилилось значение городов Восточного Казахстана как

торгово-административных центров. Торговля с азиатскими народами, в том числе с казахскими родами, осуществлялась на всех относительно крупных военно-опорных пунктах Восточного Казахстана, где были расположены «первоклассные» таможни: Бухтарминская, Семипалатинская; таможенные заставы: Пресногорьковская, Коряковская (Павлодарская), Усть-Каменогорская и др.³⁹

Одной из главных точек, в которой была сосредоточена торговля с Кокандом, Бухарой, Ташкентом, явилась Бухтарминская таможня. В 20-х годах XIX в. она значительно выдвинулась среди торговых пунктов Сибирского таможенного округа. Ни раньше, ни позже торговля здесь не достигала такого «расцвета». Оживленный торг вели торговцы из среднеазиатских владений. Ташкентцы доставляли хлопчатобумажные изделия, алаши, дабы (хлопчатобумажный холст). Сумма таких товаров, к примеру, в 1828 г. составила 1 677 руб., с которых в казну поступила пошлина 91 руб. 50 коп.⁴⁰. Кроме того, среднеазиатские торговцы привозили в Бухтарминскую таможню шали кашмирские 1-го сорта — на 4 000 руб. (пошлина 1 000 руб.), 2-го сорта — на 4 800 руб. (пошлина 1 200 руб.), 3-го сорта — на 10 800 руб. (пошлина — 2 700 руб.)⁴¹.

В числе среднеазиатских торговцев встречалось немало бухарцев, которые в архивных материалах называются как усть-каменогорские и бухтарминские мещане, поскольку, видимо, приняли российское подданство. За январь, февраль 1828 г. Бухтарминск посетило 11 караванов, из которых 3 — усть-каменогорских мещан⁴².

Меновой торг с казахами по Бухтарминску производился в трех пунктах: в самой Бухтарминской таможне и дистанциях Нарымской и Верхне-Бухтарминской. Кочевники привозили самые различные товары. По данным за 1828 г., шкур волков — 45, лисиц — 235, корсаков — 13, рысей — 6, росомах — 2, куниц — 3, соболей — 1,

мерлушки — 545 пудов на 163 руб. 50 коп. Казахи обменивали свои товары на вельвет, кожи юфтеевые и разного сорта хлеб в зерне и муке. В 1828 г. казахскими и другими купцами в Бухтарминскую таможню было доставлено товаров на 168 393 руб. 59 коп. и вывезено было товаров и изделий разных на 21 749 руб. 10 коп. Судя по ведомости об «отвозных товарах» за 1828 г., из Бухтарминской таможни в казахскую степь поступили: хлопчатобумажные изделия — 395 штук, котлы — 13, ткани — 27 аршин, топоры — 50, зеркала — 10, сукон тонких — 152 аршина⁴³.

В отдельных случаях купцы, чтобы не платить таможенных сборов, ухитрялись утаивать товары от контрольного осмотра. Это и побудило начальника Сибирского таможенного округа 24 мая 1828 г. разослать управляющим таможенных учреждений строгое предписание вне таможенных застав и таможен торговлю не производить⁴⁴. Досмотрщик Бухтарминской таможни М. Шелешов в мае 1828 г. был представлен к награде за «обнаружение разных неклейменых товаров».

Казахи производили торговлю сами, не прибегая к посредническим услугам среднеазиатцев и татар. В списках торговцев мы находим немало имен казахов, в том числе султана Бура-Найманской волости Нурагы Алимова и др. Казахи служили также у русских торговцев доверенными людьми. «Линейные казаки занимаются торговлей, но сами (в кочевья казахов — Ж. К.) не отлучаются, а производят продажу разных своих товаров через киргиз, которым они доверяют...» — доносит в 1833 г. управляющий Бухтарминской таможней подполковник Шевнин начальнику Сибирского таможенного округа. И в том же году в степь для обмена было вывезено из той же таможни (преимущественно казаками) хлеба в зерне и муке 4 638 пудов на 4 938 руб. и в 1834 г. — 4 620 пудов на 7 620 руб.⁴⁵

Изучение архивных материалов по Бухтарминской та-

можне не позволяет определить объем торговых сделок, осуществлявшихся отдельными купцами за 1834 г. Купеческий сын Василий Зобнин привез товаров на 1 487 руб. и вывез — на 1 572 руб. 38 коп., второй гильдии купец Семен Трусов из города Шуи Владимирской губернии привез товаров на 5 239 руб. 35 коп. и вывез — 1 773 руб. 12 коп., усть-каменогорские второй гильдии купцы привезли товаров: Андрей Попов — на 30 002 руб. 82 коп., Христофор Попов — на 12 000 руб., упоминавшийся выше султан Нурали Алимов привез товаров на 13 389 руб.⁴⁶.

Пошлина удерживалась не только за привозимые товары, но также за объявление (клеймение товаров), гарантийные суммы, на содержание городов, за гербовую бумагу и т. п. По сведениям Бухтарминской таможни за 1835 г., пошлинный сбор был значителен в основном в конце лета и осенью: август, сентябрь, октябрь; отвоз товаров из дистанции и таможни падает на летние месяцы: июль, август и лишь частично на ноябрь. Согласно данным, зафиксированным в отчете за 1835 г. Бухтарминской таможни, в трех пунктах: Нарымском, Верхне-Бухтарминском, в самой таможне — товарооборот составил 27 707 руб. 56 коп., с этой суммы было взыскано пошлин на 733 руб. 69 коп. Все таможенные работники, принятые на службу, давали клятву, присягу на верность и по большей части состояли из «благонадежных» грамотных запасных чинов сибирских линейных батальонов или крестьян, нанятых из других губерний⁴⁷.

Со второй половины 30-х годов XIX в., в связи с усилением роли Коряковской таможенной заставы, а также с учреждением в 1839 г. в Омске взамен прежней заставы таможни третьего класса, торговое значение Бухтарминской таможни стало падать, и в том же году по распоряжению Николая I она была упразднена, оставлен только пост (подчиняющийся Усть-Каменогорской тамо-

женной заставе). По некоторым данным, торговля в Бухтарминской крепости во второй половине XIX в. была «вообще маловажная» и сбор пошлины едва удовлетворял надобности содержания чиновников⁴⁸.

Вообще основные виды торговли с казахским населением можно разделить на три разряда: наиболее распространенная — торговля с Россией, вторая — с сопредельными народами Азии, третья — местная торговля. Внутренняя торговля чаще всего была меновой, она осуществлялась почти на всех укреплениях, где за сбором пошлины «надзирали объездные таможенные смотрители».

Весной перед началом меновой торговли купцы записывались в таможнях или таможенных заставах и устраивали в меновых дворах лавки. Для ведения торговых операций, как и во второй половине XVIII в., нанимали из татар или казахов опытных работников, знающих казахский язык⁴⁹. Большая часть торговли производилась в первых числах июня, когда скот после зимы оправится, «потучнеет» и кочевья казахов приблизятся к торговым центрам.

По данным за 1838 г., объем привезенных и вывезенных по таможням и заставам разных товаров в денежном выражении составил (приводятся некоторые сопоставительные данные и по другим городам)⁵⁰:

Таможни	Привоз	Вывоз
Петропавловская	2 406 903 руб.	1 664 899 руб.
Семипалатинская	106 051	947 167
Бухтарминская	13 274	17 665
Таможенные заставы	Привоз	Вывоз
Омская	42 535	48 023
Коряковская (Павлодарская)	27 740	16 072
Усть-Каменогорская	34 300	65 070

Главными предметами торговли, завозившимися купцами из центральных губерний, были хлеб разных сортов, юфть, кожи выделанные, ткани хлопчатобумажные и шерстяные, металлические изделия. Как отметила в свое время М. К. Рожкова, русского сукна в казахских степях сбывалось больше, чем в ханствах Средней Азии⁵¹. Значительную часть ввозимых сюда русских товаров составляли и хлопчатобумажные ткани.

До 1842 г. привоз товаров русского фабрично-заводского производства в казахскую степь, равным образом ввоз их во внутренние районы России без наличия специальных свидетельств позволялся лишь купцам Усть-Каменогорска, Омска, Семипалатинска, Петропавловска. Что же касается купцов третьей гильдии и крестьян центральных российских губерний, обладавших такими свидетельствами (выданными им в одном из четырех вышеуказанных городов), то они могли пользоваться правами на розничную торговлю в том городе, где они получили эти документы.

К 40-м годам XIX в. с дальнейшим укреплением русско-казахских отношений в казахской степи наступило относительное затишье. С постепенным вводом российского управления единичные набеги кочевников на торговые караваны утихли. Казахи, причастные к нарушениям положения об азиатской торговле, привлекались к ответственности. В пресечении таких действий известную роль сыграло распоряжение Пограничного управления «сибирскими киргизами» от 5 февраля 1840 г. о взимании с казахского кочевого населения «военной контрибуции за нарушение верноподданнической присяги».

Учреждение в Среднем жузе близких к российской системе административно-политических положений внесло ряд изменений в хозяйственную жизнь коренного населения. «Через обращение с русскими киргизы значительно изменяют свою наклонность к дикой кочевой жизни, а еще обратились к хлебопашеству... занимаются

променом скота и собственных изделий между собою и русскими...»⁵² — говорилось в докладной записке одного чиновника Пограничного управления. С оживлением русско-казахской торговли увеличились таможенные пошлины. Об этом свидетельствует ведомость о пошлинках и прочих сборах, собранных в таможнях и заставах Сибирского округа с 1848 по 1 января 1851 г.⁵³

	1848 г.		1849 г.		1850 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
По таможням						
Петропавловская	80 027	72	91 932	97	150 555	60,5
Семипалатинская	58 287	47,5	110 587	98	197 179	16,4
Омская	4 468	9,5	2 557	4,3	3 971	87
По заставам						
Пресногорьковская	5 294	51,4	4 831	62,2	2 822	79
Николаевская	418	58,5	1 101	25	1 172	67,5
Коряковская	6 324	4	6 155	70,5	4 246	55
Усть-Каменогор-ская	2 171	9,4	1 840	81	3 369	25,5

Эти данные служат подтверждением тому, что Семипалатинская таможня по сумме пошлинных сборов, соответственно по торгово-политическому положению, была наиболее крупной в Западной Сибири. Правда, в публикации С. И. Идарова⁵⁴ зафиксированы иные данные. Сумма таможенного сбора определена за 1849 г. — 93 777 руб., за 1850 г. — 163 154 руб. серебром, что также заметно превышает аналогичные данные по Петропавловской таможне⁵⁵.

Высокие сборы послужили поводом для перевода местопребывания начальника Сибирского таможенного округа из Петропавловска в Семипалатинск. «Начальники таможенных округов должны иметь пребывание в

том пограничном месте, где находится главная пограничная таможня, каковою в Сибирском... в настоящее время нельзя не считать Семипалатинскую таможню»⁵⁶, — писал начальник Сибирского таможенного округа в прошении на имя генерал-губернатора Западной Сибири, уведомляя последнего о своем решении.

Главным предметом русско-казахской торговли по-прежнему являлся скот. Говоря об этом виде торговли, следует обратить внимание на неэквивалентный характер сделок. Казахи имели лишь приблизительное представление об истинной цене русских товаров и в то время почти за бесценок отдавали скот и продукцию животноводческого хозяйства. Так, в Восточном Казахстане в 50-х годах XIX в. цена одного барана в среднем колебалась от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп. серебром, быка — от 14 до 17 руб., лошади — от 20 до 35 руб. Казахи же, судя по данным Г. Колмогорова, за 1 барана брали по 70 коп.⁵⁷ — в два раза меньше его действительной стоимости. Можно представить, какова была прибыль покупщиков, если учесть, что только казахское население «Области сибирских киргизов» ежегодно пригоняло на продажу: лошадей до 15 000, быков до 100 000, баранов до 3 миллионов голов на сумму до 8 миллионов рублей серебром.

О количестве скота, пригнанного для продажи в 1855 г., говорят следующие данные⁵⁸ (по Капалу — для сравнения):

Города	лошадей	овец	рогатого скота	свиней	ко
Семипалатинск	14 946	25 000	1 489	142	469
Усть-Каменогорск	1 392	300	815	10	15
Кокпекты	406	—	1 659	1	—
Аягуз	1 734	3 588	2 074	—	—
Капал	3 048	1 460	1 770	139	300

Несомненно, сбыт на местных и центральных рынках огромного количества разного скота приносил значительные доходы казне, местным купцам. Однако действительные обороты крупных торговцев трудно определить из-за того, что они умышленно скрывали размеры своего состояния.

Среди торговцев было немало выходцев из среднеазиатских владений. В 1852 г. в Семипалатинске ташкентских подданных-купцов было 48, вообще «называвшихся иностранными»— 306, в 1857 г. в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Петропавловске проживало 526 мужчин и 539 женщин из Средней Азии, не состоявших в подданстве России, многие из них избрали торговлю в качестве основного вида занятия. Правительство, по-прежнему проявляя заинтересованность в расширении торгово-экономических связей со среднеазиатскими ханствами, всячески поощряло заселение городов и других поселений Восточного Казахстана бухарскими, ташкентскими купцами, «чтобы те привозили свои товары»⁵⁹.

Заметно укрепилось положение некоторых ранее малонаселенных городов. Примером может служить Коряковск (Павлодар). Главным фактором возбуждения его торгового значения была внутренняя торговля.

Коряковская таможенная застава разделялась на четыре участка (в архивных документах названы отрядами). Расстояние между ними простипалось от 12 до 17 верст, что практически исключало возможности тайного провоза товаров как в таможни, так и из таможен. На основании представления министра финансов от 18 июля 1846 г. Николай I распорядился «прибавить» в Сибирский таможенный округ, в ведении которого находились таможенные посты и заставы Северо-Восточного Казахстана, 26 обездчиков и 90 стражников для обеспечения таможенного «присмотра»⁶⁰. Был увеличен и штат таможенной заставы Коряковска, в который входили редуты, форпосты: Башмачный, Железинский, Пяторыж-

ский, Бобровский, Осморыжский, Качирский, Песчаный, Чернорецкий, Григорьевский, Черноярский, Подстепной, Ямышевский, Черный, Лебяжье, Подпускный, Кривой и Семиярский, в которых числились 51 стражник и объездчик⁶¹. Главная обязанность стражников — предотвращение «незаконного» провоза товаров в таможенные посты, заставы и оттуда в степь. Поэтому стражникам строго предписывалось «неотступно» находиться при своих постах. В тех торговых пунктах, где не предусматривался штат стражников, контроль за караванами поручался объездчикам.

Главным товаром, привлекавшим казахское население в Коряковск, был хлеб. Об уровне торговли хлебом говорят данные за февраль 1847 г. Казахи в обмен на свои товары приобрели муки 196 пудов в форпосте Семиярском, 46 — в редуте Кривом, 40 — в Подпуском, 100 — в Подстепном, 55 — в Ямышевском, 13 пудов — в форпосте Лебяжьем. Казахами было пригнано 246 лошадей и несколько таинчи (годовалый бык) на 1 243 руб⁶².

В последующие годы потребности кочевого казахского населения в хлебе продолжали расти. Правительственным решением от 21 октября 1852 г. было санкционировано «дозволить вывозить беспошлинно через таможенные места Сибирского и Оренбургского таможенных округов всякого рода хлеба как зерном, так и мукою»⁶³.

Решением западно-сибирского генерал-губернатора в 1859 г. в Коряковске было разрешено поселение купцов, мещан, разночинцев, которым были выделены особые кварталы с отводом земельных наделов под постройки и огороды⁶⁴.

О цене хлеба на городских рынках можно судить по тарифу за 1859 г.: пшеничная и ржаная мука — первая по 17 коп., последняя — 15 коп. за пуд⁶⁵. Зимой в города приезжали из станиц казаки, из деревень — крестьяне с медом, рыбой и другими припасами, особенно хлебом. Как только Иртыш покрывался льдом, приезжали из

степи казахи на верблюдах с продуктами животноводческого сырья. По реализации их на рынках на вырученные деньги они покупали муку и пшеницу, табак, изделия домашнего обихода. В течение зимнего сезона только в Семипалатинск прибывало до 1 000 навьюченных разными товарами верблюдов, и на них казахи увозили более 15 тысяч пудов зерна. Часть товаров, привозимая казахами в города, местными купцами переправлялась на Ирбитскую ярмарку, в Казань, Москву, Тюмень и другие районы.

В 50-х годах XIX в. значительного масштаба достигла торговля солью. Еще в 1838 г. было обнародовано положение о «соляной промышленности», по которому разрешалось купцам выменивать, покупать от казахов соль в таможенных учреждениях и выдавать билеты на годичный срок для покупки соли у казахов «без ограниченного количества»⁶⁶. Однако солепромышленники, пользуясь местными удобствами, допускали злоупотребления при выломке соли, осуществляли контрабандный провоз ее на внутреннюю линию без платежа таможенной пошлины. Кроме того, производя тайную продажу соли, причиняли немалый ущерб интересам казны. Соляной торг отдельных купцов до 50-х годов XIX в. практически был неограничен. В 1984 г. тарский купец С. Шпаденков в Коряковской таможенной заставе купил у казахов до 30 000 пудов соли для «сплава» по Иртышу в Тарский и Тобольский округа. Это и побудило начальника Сибирского таможенного округа распоряжением от 19 марта 1854 г. ограничить вывоз соли из Казахской степи в Западную Сибирь — на одного «солепромышленника» не более 50 пудов⁶⁷. Нарушителям этого предписания начальника таможенного округа грозил крупный штраф.

Таким образом, Усть-Каменогорск, Павлодар, Семипалатинск и другие города, крепости и форпосты в силу выгодности их месторасположения во многом содейство-

вали укреплению русско-казахских политических и расширению взаимовыгодных торговых отношений. Введение в городах российского управления привело к усилению административной их роли, что незамедлительно сказалось на развитии торговых связей. Наличие в крае огромного количества скота и запасов животноводческого сырья привлекало множество купцов не только из соседних районов, но также из среднеазиатских ханств и внутренних губерний империи. Все это оказывало благоприятное воздействие на процесс постепенного приобщения Казахстана, в том числе восточной его части, к единой хозяйственной системе страны, на завершение присоединения Среднего, части Старшего жузов к России.

Нами подтверждено положение о том, что изучаемый регион и смежные с ним территории в административно-политическом и хозяйственном отношениях представляли в этот период составную часть России.

Организация сбора пошлин, укрепление штатов таможенных постов и застав, а также редутов или форпостов составляли одну из главных забот правительства. Меры административного и материального взысканий, выразившиеся в конфискации товаров, привозившихся контрабандным путем, были призваны урегулировать систематическое поступление средств в пользу казны и служили доходной статьей в бюджетах городов, в содержании чиновников таможенных учреждений.

Административно-политические перемены, введенные согласно «Уставу о сибирских киргизах», во многом расширили возможности коренного населения поддерживать постоянные торговые связи с городами Восточного Казахстана. Бухтарминская, Семипалатинская таможни, Коряковская, Усть-Каменогорская таможенные заставы стали известными в этом районе торговыми пунктами. Их обороты и пошлинные сборы с каждым годом неуклонно росли. Кокпекты, Каркаралы, Баянаул, будучи

местопребыванием начальников административных округов, также привлекали к себе кочевое население, побуждая его к устойчивым торговым связям с жителями русских селений. Благодаря этому казахское население в значительной степени удовлетворяло свои потребности в хлебе, в изделиях русского фабрично-заводского производства и в различных предметах домашнего обихода, а российская промышленность получила новый выгодный рынок сбыта.

Взаимовыгодные торговые связи сопровождались перемещением жителей разных регионов, что привело к увеличению городского населения, росту в нем удельного веса татар и узбеков, избравших основной своей хозяйственной деятельностью торговлю. Взаимообщение, выходя за рамки торговых связей, принимало все более и более широкий характер: здесь скрещивались традиции, обычаи разных народов, происходил естественный процесс взаимного восприятия бытовых и множества других повседневных, своеобразных для каждой нации признаков. Постепенное упрочение на фоне всего этого торговых отношений объективно сближало разноязычные, разноплеменные народы.

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В конце XVIII — начале XIX вв. Ямышевская, Коряковская (Павлодарская), Усть-Каменогорская, Семипалатинская и другие крепости на территории нынешнего Восточного Казахстана превратились в важные торгово-экономические и административные центры. Постепенно они развивались и в культурном отношении. Среди населения магометанского исповедания читать и писать умели, как правило, лишь служители религиозного культа, а также незначительная часть казахской феодальной верхушки и чиновников колониальной администрации. Развитие просвещения в большей степени было обусловлено распространением русского образования в связи с завершением добровольного вхождения Казахстана в состав России, а также влиянием русской демократической культуры. «Благотворное влияние на духовную жизнь казахского народа оказало распространение демократической русской культуры и общественной мысли», — было отмечено в постановлении Центрального Комитета Компартии Казахстана «О 250-летии добровольного присоединения Казахстана к России» от 30 октября 1981 г.¹.

Организация русских школ была связана, с одной стороны, со стремлением к образованию местного русского населения, с другой стороны, с тем, что правительство остро нуждалось в подготовке кадров для своего административно-чиновниччьего аппарата. По спра-

ведливому утверждению Т. Тажибаева, царское правительство, допуская детей султанов и прочей феодально-байской знати в русские школы, а также открывая русско-туземные школы, преследовало политические цели — создать для себя опору среди казахского и другого нерусского населения в лице зажиточной и просвещенной верхушки². К этому можно добавить существенную оговорку, что потребности учреждения русско-казахских школ диктовались также и хозяйственными расчетами, так как «дети жителей, не получая достаточного образования, не могли обращаться к простым работам»³.

В 1820 г. попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий по предложению генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского представил в Министерство народного образования проект плана об учреждении в Барнауле, при горном училище, отделения Казанского университета по изучению восточных языков. Этим преследовалась цель подготовить квалифицированных людей в основном для дипломатической службы и для торговых сношений с другими странами. Положительное решение данного проекта в известной мере могло бы содействовать и развитию народного образования в соседнем Восточном Казахстане.

Проект Магницкого не получил одобрения⁴. Однако необходимость открытия русских школ продолжала оставаться актуальной в силу и других не менее важных причин необходимости общения с казахами, взятия от них показаний на суде и т. д. 27 июля 1828 г. Управляющий делами Министерства иностранных дел в отношении Министерству народного образования рекомендовал «весьма удобным постановить для достижения сей цели, чтобы знающие русский язык муллы заступали за своих единоверцев и подтверждали показания тех на суде, которые нередко отказывались от своих показаний, чтобы никто не был облекаемым муфтием в звании муллы к кочующим народам, буде не знает гово-

рить и знать по-русски». В ответном письме Министерства народного образования от 18 августа того же года подтверждалось, что знание «...российского языка и грамотности для духовных магометанских чинов было бы весьма полезно для правительства»⁵.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, Семипалатинская городская ратуша рассмотрела возможность учреждения уездного училища с присоединением к нему низшего класса или приходского училища (1828 г.). Решение об открытии в городах Омской области уездных училищ было принято в 1831 г. 18 сентября 1833 г. состоялось открытие такого училища в Семипалатинске, после чего для жителей окрестных селений сложились благоприятные условия, «не затрудняясь, образовать своих детей в науках, а магометане, видя учреждение училища, отдали бы в оное к обучению и своих детей, обучавшихся при мечетях (татарских — 95, ташкентских — 8, казахских — 90)»⁶.

По уставу, утвержденному в том же 1833 г., для принятия в уездное училище от поступающих требовалось уметь писать, читать и знать первые четыре правила арифметики⁷. Однако в городах Восточного Казахстана не было ни одного приходского училища, в котором дети могли бы получить даже этот минимум знаний. С открытием городского уездного училища поэтому было логически связано учреждение в Семипалатинске приходского училища, в которое было принято 110 мальчиков⁸.

Преподавателем Семипалатинского уездного училища был утвержден сын курганского мещанина Петр Худяков, окончивший курс учителей при Тобольской гимназии⁹.

В 1836 г. уездное училище было открыто также в Усть-Каменогорске с одновременным учреждением интерната для казахов¹⁰. Однако эти низшие учебные заведения, особенно первое время, давали весьма ограничен-

ное «образование». Не хватало средств для приобретения необходимых школьных принадлежностей. Отсутствие подготовленных преподавателей порою вынуждало местную колониальную администрацию привлекать для работы в уездных училищах даже ссыльных¹¹.

Большая часть детей местного татарского и казахского населения по-прежнему обучалась в мектебах, функционировавших при мечетях. Эти учебные заведения в основном возникли в 50-х годах XIX в. и сохраняли частный характер. В этих школах дети занимались не более 3—4 месяцев в год. В них не было ни разработанной программы, ни устава, ни определенных источников финансирования, дохода или твердо установленного бюджета. В качестве учителей в них работали под наблюдением мулл казахи и татары, знавшие арабскую письменность и коран¹².

Обучение в таких мектебах, по свидетельству источников того времени, ограничивалось знакомством с азбукой и письмом, заучиванием нескольких стихов, диктовкой фраз, их чтением и толкованием¹³. Естественно, молодежь, обучавшаяся в таких учебных заведениях, не имела сколько-нибудь существенных, необходимых для жизни знаний. Не только дети, но и значительная часть городского населения, занятого в сфере торгово-хозяйственной деятельности и административно-чиновничьем аппарате, не была охвачена обучением, что, в свою очередь, значительно замедляло темпы экономического освоения края. Так, собрание Усть-Каменогорского хозяйственного управления признало в своем постановлении: «В Усть-Каменогорском обществе купцы и мещане большою частью неграмотные... По малонаселенности города и неспособных к письмоводству вообще нет, кроме нескольких человек писарей военного ведомства». Принимая во внимание отсутствие образованных людей даже для «составления ревизских сказок» (спиков на населения — Ж. К.), собрание рекомендовало «произвести де-

нежный сбор со всего общества купцов»¹⁴ (для выплаты жалованья учителям).

Завершение в основном в 50-х годах XIX в. добровольного вхождения Казахстана в состав России и усиление в связи с этим административного значения городов потребовало еще большего количества подготовленных, образованных людей для аппарата управления краем. В данной связи генерал-губернатор Западной Сибири, в подчинении которого находился Восточно-Казахстанский край, представил в 1857 г. в Министерство народного образования проект о подготовке кадров переводчиков и делопроизводителей. «Основательное образование должностных лиц из киргизцев составляет предмет настоятельной необходимости»¹⁵, — писал генерал-губернатор и разъяснял далее, что «в настоящее время не существует волостных управителей. Султаны же, управляющие волостями, не имеют понятия о делопроизводстве. Султанские письмоводители редко и большею частью не знают языка, все исполняется толмачами». Переводчики же, «склонные к своеолиям», нередко использовали свое служебное положение для вымогательства и обмана не знаящих русского языка кочевников. По признанию упомянутого генерал-губернатора Западной Сибири, «они (переводчики-толмачи — Ж. К.) не сочувствовали пользам киргизского народа».

Исходя из такого положения дел, генерал-губернатор Западной Сибири в 1857 г. предложил открыть при Областном правлении «сибирских киргизов» в Омске одну школу с ограниченным количеством учащихся (в первый год обучалось 20 воспитанников). «Цель не в том, чтобы размножить число грамотных, излишество которых может быть вредно в народе, склонных к буйной свободе,— откровенно писал высокопоставленный чиновник,— но в образовании постепенно сведущих, усердных и преданных пользам службы должностных лиц...» Задача школы, по мнению губернатора, заключалась

в «приготовлении способных людей» для службы на должностях султанских письмоводителей при волостных управляющих. Право быть зачисленным в школу представлялось детям: а) султанов; б) почетных казахов несултанского происхождения, имеющих пожалованые чины и медали; в) казахов, занимавших должности заседателей волостных управлений. Таким образом, эта школа была недоступна для коренных жителей незнатного происхождения. Среди родителей, дети которых пользовались привилегией для поступления, преимущество отдавалось тем, которые оказывали услуги правительству и «известны особенно преданностью».

Для постоянного надзора за учениками к ним были приставлены два отставных унтер-офицера или казачьи урядники, которых отбирали из «людей благонадежных». Возраст для поступающих был определен от 10 до 13 лет, срок учебы — 6 лет. В школе изучались русский язык, чистописание, арифметика, татарский язык, закон «магометан», составление деловых бумаг и «общие понятия» о российском законоположении¹⁶.

Сам факт функционирования Омской школы в условиях почти полного отсутствия других подобных учебных заведений явился немалым сдвигом.

Значительным событием в культурной жизни края было открытие в 1860 г. Семипалатинского женского училища — первого такого рода учебного заведения. Содержалось оно на деньги, поступавшие от добровольных пожертвований. В отличие от других учебных заведений, здесь наряду с обязательными предметами учебной программы предусматривалось обучение девочек башмачному мастерству, ознакомление с основами домашнего хозяйства. Однако училище не располагало средствами, необходимыми на наем преподавателей и на выписку книг¹⁷.

Разные по назначениям учебные заведения открывались и в других городах. 20 октября 1862 г. мещане

Усть-Каменогорска выразили готовность оказать содействие в открытии приходского училища и «быть усерднейшими сообщниками купечеству, принять на себя покупку помещения училища с квартирой учителя»¹⁸. Результатом ходатайства городских жителей явилось учреждение 8 августа 1863 г. в Усть-Каменогорске двух приходских училищ: одно для мальчиков, другое — для девочек, с количеством учащихся в первом — 20, в последнем — 13. Материальные расходы по содержанию училищ взяло на себя хозяйственное управление города¹⁹.

Несколько школ общего типа, правда, с ограниченным контингентом учащихся функционировало в Кокпектаках²⁰. Вообще, на обширной территории нынешнего Восточно-Казахстанского края действовали²¹:

Название учебных заведений	Кол-во учащихся
1. Уездное училище,	73
при нем женский интернат	38
2. Приходских училищ	106
3. Казачьих училищ	231
4. Частных татарских школ	479

Учителя для них приглашались из крупных городов Западной Сибири, в том числе из Томска, поскольку в городах Восточного Казахстана в 50—60-х годах XIX в. учебных заведений, которые готовили преподавателей школ, не существовало. Это обстоятельство имело, конечно, отрицательную сторону. Нередко издалека приезжали случайные люди, которые не могли дать детям предусмотренных учебной программой знаний.

Так, 12 ноября 1870 г. на должность учителя истории и географии в Семипалатинском уездном училище был утвержден В. Ляшин, окончивший курс в Томской гимназии. О том, как онправлялся со своими обязан-

ностями, можно судить по характеристике, представленной Главным управлением Западной Сибири начальнику Томской гимназии: «Вообще, программа географии для 1 класса (составленная Ляшиным — Ж. К.) доказывает, что Ляшину и понятия не дали, как должно учить географии маленьких детей. Всю программу нельзя назвать программой преподавателя..., а оглавлением из любой географии, составленной по старому способу без всякого педагогического приспособления»²².

Но все же создание первых учреждений просвещения сыграло известную роль в постепенном распространении грамотности, нанесло значительный удар по старым мектебам при мечетях, служивших оплотом консерватизма и патриархальщины, в определенной степени облегчило управление краем и явилось прогрессивным следствием добровольного присоединения Казахстана к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более 270 лет прошло с того времени, когда на границе России и Казахстана возникли первые русские укрепления, впоследствии сыгравшие огромную роль в развитии русско-казахских отношений, в ограждении казахов-кочевников от иноземных вторжений. За этот период крепости и города претерпели серьезные изменения, хотя старые названия многих из них сохранились и в наше время и от них веет древностью: Семипалатинск, Аягуз, Каркаралинск, Усть-Каменогорск, Железинск.

Ямышевская, Семипалатинская, Железинская, Коряковская, Павлодарская, Усть-Каменогорская крепости возникли в одно время, в первой четверти XVIII в. Поэтому их можно было бы охарактеризовать как город-ровесники.

Но если в силу благоприятных географических и хозяйственных условий Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар, Каркаралинск до Великой Октябрьской социалистической революции успешно развивались как центры торговых взаимоотношений со Средней Азией, Монгoliей и с западными пределами Китая, то такие поселения, как Бухтарминск, Аягуз, Ямышевск и другие, уже в конце XIX — начале XX вв., утратив свои торговые функции, вынуждены были довольствоваться весьма скромным положением.

Усиление экономического значения Усть-Каменогор-

ска как центра горно-добывающей промышленности Казахстана и Алтая нанесло удар Бухтарминску. Во второй половине XIX в. он окончательно был отодвинут на второй план и представлял интерес лишь для путешественников — окружающей его живописной природой. С открытием и началом интенсивного освоения месторождений цветных металлов, строительством заводов Усть-Каменогорск намного выдвинулся вперед, в какой-то мере затмив даже роль Семипалатинска, что не могли предугадать его основатели. А в наши дни, в связи со строительством Бухтарминской ГЭС и ее водохранилища, Бухтарминская крепость скрылась на дне рукотворного моря.

Ямышевская крепость сыграла выдающуюся роль в развитии русско-казахских традиционных отношений в первой четверти XVIII в., она служила плацдармом, откуда русские военно-разведочные отряды отправлялись на восток, на север для строительства новых военно-опорных пунктов. Она была первой крепостью в районе Верхнего Прииртышья. Прошли годы, и в связи с вхождением казахских родов Среднего жуза в состав Российской империи Ямышевская крепость оказалась внутри кочевий скотоводческих племен и потеряла свою былую роль пограничного форпоста. Однако после Октябрьской революции расположенный неподалеку Павлодар стал бурно развиваться как крупный промышленный и культурный центр.

Некоторым городам при их основании прочили блестящее будущее. Показательна в этом отношении история Каркаралинска (ныне районный центр Карагандинской области). Расположение крупнейшей в Казахстане Куюндинской (Ботовской) ярмарки вблизи Каркаралинска в свое время подняло значение последнего. О нем даже слагали песни (популярна песня народного композитора Мади). Но с начала XX в. он долгое время существовал лишь как незначительное поселение.

Социально-экономический облик и общественно-политическая жизнь казахстанских городов претерпели коренные изменения после победы Великой Октябрьской социалистической революции. История показала, что город при социализме имеет несравненно больше потенциальных возможностей для постоянного своего развития, чем в капиталистических и докапиталистических обществах. Так, одним из крупных индустриальных и культурных центров Казахской ССР стал Усть-Каменогорск. Крупная электростанция, многоэтажные здания вдоль многокилометровой набережной, титаномагниевый и свинцово-цинковый комбинаты, заводы конденсаторный и приборов, величественный Дворец metallurgov, современные здания и другие многочисленные объекты определяют сегодняшний облик Усть-Каменогорска. Рост города настолько стремителен, что на протяжении трех десятилетий пришлось трижды обновлять его генеральный план, разработанный ленинградскими проектировщиками.

После полного осуществления этого плана Усть-Каменогорск станет одним из красивейших городов Казахстана. Усть-Каменогорск — город молодежи и один из крупных культурных центров республики. Первым учебным заведением, созданным в 1921 году в городе, был педагогический техникум. Ему дали имя В. В. Воровского — советского государственного и партийного деятеля, публициста. В 1952 году гостепримно распахнул двери Усть-Каменогорский педагогический институт — первенец высшего образования Восточно-Казахстанской области. Осенью 1958 года начались занятия в Усть-Каменогорском строительно-дорожном институте.

Помолодел, раздался вширь Семипалатинск, ставший в настоящее время крупным центром легкой и пищевой промышленности республики. Город, где произошла историческая встреча великого русского писателя Ф. М. Достоевского и первого казахского ученого

Ч. Ч. Валиханова, где отбывали ссылку участники освободительных движений, которые дружили с великим Абаем Кунанбаевым, ныне превратился в один из крупных культурных центров Советского Казахстана. В нем сейчас 4 вуза, 15 техникумов, большое количество школ и медицинских учреждений. В приветствии ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Казахской ССР Семипалатинскому городскому комитету Компартии Казахстана, городскому Совету в связи с 250-летием со времени основания Семипалатинска говорилось, что история города «овеяна именами многих выдающихся деятелей русской и казахской науки, культуры, передовых представителей прогрессивной общественной мысли и революционного движения»¹.

Дальнейшее развитие в годы десятой и одиннадцатой пятилеток получило транспорт: железнодорожный, автомобильный, речной и воздушный. Станция Семипалатинск превратилась в крупнейший железнодорожный узел. В 1966 году был утвержден генеральный план застройки города, предусматривающий комплексное решение проблем тепло- и водоснабжения города, его телефонизации, благоустройства². По этому плану, рассчитанному до двухтысячного года, застройка многих жилых районов ведется одновременно. Это объясняется тем, что Семипалатинск — не молодой город, и не одно поколение оставило в нем свой архитектурный облик³. Пять институтов города — педагогический, медицинский, ветеринарно-зоотехнический, технологический, мясной и молочной промышленности — выпускают высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства и культурного строительства. Гордостью Семипалатинска является литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, открытый в 1971 году. Комплекс литературно-мемориального музея символизирует собой связь времен. У входа в музей установлен памят-

ник Ч. Ч. Валиханову и Ф. М. Достоевскому, олицетворяющий братскую дружбу русского и казахского народов, корни которой уходят в глубь веков. На площади имени Абая установлен памятник великому поэту-прозаику.

Павлодар сегодня — крупный индустриальный центр Казахстана, определяющий лицо Павлодар-Экибастузского территориально-производственного комплекса. Здесь сосредоточено свыше ста предприятий и различных отраслей промышленности, строительства и транспорта. Главными отраслями экономики являются цветная металлургия, нефтехимия, машиностроение, стройиндустрия и энергетика. На XV съезде Компартии Казахстана член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана товарищ Д. А. Кунаев, говоря о Павлодар-Экибастузском производственном комплексе, отметил, что «...здесь уже создан мощный потенциал — алюминиевый, тракторный и нефтедобывающий заводы, крупная ГРЭС и завод ферросплавов, угольные разрезы, в том числе крупнейший в мире — «Богатырь»⁴.

Индустриальное лицо сегодняшнего Павлодара определяют: алюминиевый завод имени 50-летия СССР — первенец алюминиевой промышленности Казахстана; тракторный завод имени В. И. Ленина — головное предприятие одноименного производственного объединения; нефтеперерабатывающий завод, работающий на сибирской нефти; судостроительный завод — одно из старейших предприятий не только Павлодара, но и всего Казахстана; опытно-экспериментальный завод «Октябрь» по изготовлению средств механизации работ, идущих во многие десятки адресов в нашей стране и в страны СЭВ.

Павлодар известен и как крупный культурный центр региона — в городе 2 вуза, 10 техникумов и училищ, 14

профтехучилищ. Павлодар относится к числу городов, переживающих в настоящее время бурное развитие. Быстро растет его население, которое составляет почти 300 тысяч человек⁵.

Качественно новый этап в своем развитии переживает город Каркаралинск, один из крупных курортно-оздоровительных районов Казахской ССР. Только в городе и в его живописных окрестностях находятся более 10 домов отдыха и санаториев, в которых ежегодно тысячи тружеников республики укрепляют свое здоровье. Недаром природа этого края восхищала крупных мастеров слова — М. Пришвина, С. Муканова.

За годы Советской власти в республике создано 66 новых городов, неузнаваемо изменился облик старых⁶. Все это указывает на большие успехи Казахстана в экономическом и культурном развитии, которое началось когда-то со строительства описанных нами крепостей.

Оглядываясь назад, мы видим, что история городов состояла из взлетов и падений. Примером может служить одно из старейших поселений Казахстана — Зыряновск. Еще в 1791 году слесарный ученик, рудознатец Герасим Зырянов открыл здесь богатейшие месторождения полиметаллических руд. Царское правительство мало уделяло внимания развитию рудника, и вскоре он был сдан в концессию иностранцам — сначала французам, потом австрийцам и англичанам. КПСС и Советское правительство еще в годы первых пятилеток проявляли большую заботу о Зыряновском руднике, выделяли значительные средства на его развитие. Еще в 1933 г. при Зыряновском рудоуправлении была организована своя геолого-разведочная партия⁷. Большие перемены произошли на головном предприятии города — Зыряновском свинцовом заводе, ставшем одним из крупных поставщиков сырья металлургическим предприятиям страны. Кроме металлургической промышленности за годы Советской власти в городе получили развитие та-

кие отрасли, как мясомолочная, легкая, пищевая и совсем новая — электронная⁸.

В мае-июне 1983 года в Алма-Ате проходила международная специализированная выставка «Цветная металлургия — 83». 53 фирмы из Австрии, Японии, Франции, США, ФРГ, Бельгии, Швеции и других стран развернули экспозицию новейшей техники и оборудования для подземных и открытых горных работ, обогащения руд. На выставке также широко было представлено металлургическое оборудование.

Проведение этого большого технического смотра достижений цветной металлургии в Казахстане было вполне закономерно, ибо он является крупнейшим производителем цветных металлов в СССР. В этом особенно велика роль предприятий цветной металлургии, находящихся в городах Восточного Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 г. Стенографический отчет, т. 1. М., 1981, с. 75.
- ² Светлой дорогой дружбы и братства. Сборник материалов о праздновании 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982, с. 11—12.
- ³ См.: История СССР, 1972, № 6, с. 246.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.
- ⁶ Жуков Е. М. Основные проблемы исторической науки в свете решений ХХI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока. М., 1960, с. 6.
- ⁷ Федосеев П. Н. Заключение.—В кн.: Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. М., 1982, с. 195—196.
- ⁸ См.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1962, т. 2 (примечание редакторов), с. 224.
- ⁹ См.: Аполова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв. М., 1976; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758. Изд. 2. М., 1983; Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983; Мусеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983; Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971; Гуревич В. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII — первой половины XIX вв. Алма-Ата, 1960; Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982. Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии.—Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

- ¹⁰ Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири. М., 1960, с. 4.
- ¹¹ См.: Шеманский А. Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям.— Военно-исторический сборник, 1915, № 4; Андриевич В. К. История Сибири. Спб., 1889, ч. 2; Абрамов Н. Областной город Семипалатинск.— Записки ИРГО, 1861, кн. 1; Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1881, кн. 2; Никитин В. П. Исторический очерк Семипалатинского края.— Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. Семипалатинск, 1898; Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли. — Материалы для статистики Туркестанского края. Спб., 1876, вып. 4.
- ¹² Елагин А. С. Состояние и задачи дальнейшего изучения истории городов Казахстана.— Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1974, № 3; Пищулича К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв.— В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-экономической истории).— Алма-Ата, 1977; Чемирбаева Б. И. К истории открытия и начала освоения Риддерского месторождения.— Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1968, № 1; Горячева А. А. Основание города Верного (1854—1860 гг.).— Ученые записки КазГУ, т. 31, вып. 3. Алма-Ата, 1957; Герасимова Э. И. Уральск. Исторический очерк (1613—1917 гг.). Алма-Ата, 1969.
- ¹³ См.: Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города (2-я половина XVIII в.). М., 1967, с. 26.
- ¹⁴ См.: Семипалатинску — 250 лет. Алма-Ата, 1968.
- ¹⁵ См.: Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорску — 250 лет. Алма-Ата, 1970.
- ¹⁶ Семипалатинск (История городов Казахстана). Алма-Ата, 1984.
- ¹⁷ См.: Касымбаев Ж. К. Развитие городов Восточного Казахстана как центров взаимоотношений со скотоводческим, русским крестьянским населением и сопредельными странами (20-е гг. XVIII — начало XX вв.). Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1982; Он же: Экспедиция Бухгольца и создание Прииртышских крепостей в начале XVIII в.— Исторические науки (межвузовский сборник), вып. 1. Алма-Ата, 1974; он же: Русские военно-оборонительные пункты в защите казахских земель от врагов.— Военно-исторический журнал, 1981, № 11; он же: О торговле России с Цинской империей через города Восточного Казахстана (80—90-е гг. XIX в.)— Тезисы и материалы XII конференции «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1981; он же: Торговля России с империей Цин через города Восточного Казахстана (с первых десятилетий до середины XIX в.)— Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и

доклады, ч. 2, М., 1985; он же: Политические и хозяйственные факторы заселения городов Северо-Восточного Казахстана казахами-кочевниками и другим тюркоязычным населением (первая половина XIX в.)— В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984; он же: Некоторые особенности топонимики городских поселений Казахстана.— Топонимика Оренбуржья. Оренбург, 1983; он же: Верхнеиртышские крепости и упрочение русско-казахских политических отношений во второй половине XVIII века.— В кн.: Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития, Алма-Ата, 1985; он же: Некоторые вопросы истории городов дореволюционного Казахстана.— В кн.: Основные направления научных исследований. Алма-Ата, 1978; он же: О роли Иртышской линии в развитии торговли между Средней Азией и Россией (XVIII— первая половина XIX вв.).— Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 6; он же: Развитие прииртышских крепостей как торговых центров в XVIII веке.— Известия АН ҚазССР, серия общественных наук, 1974, № 6; он же: Городское население Восточного Казахстана (XIX в.— до 90-х годов).— В сб.: Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана, Алма-Ата, 1985; он же: О состоянии и некоторых задачах изучения истории городов Восточного Казахстана (степень разработки, проблематика до 1917 г.)— В кн.: Некоторые вопросы историографии Казахстана. Караганда, 1980; он же: Дореволюционные исследователи о развитии Оренбурга как центра торговли с казахами и со среднеазиатскими владениями (первая половина XIX в.).— Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII— начало XX вв., Свердловск, 1983; и др.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

НА РУБЕЖЕ РОССИИ И ҚАЗАХСТАНА

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. (в пяти томах). Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 294, 296.

² Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых.— Вестн. Русского географического общества. Спб., 1851, ч. 3, отд. 4, кн. 6, с. 45.

³ Копылов Д., Прибыльский Ю. П. Тобольску — 375 лет. Тобольск, 1961, с. 3.

⁴ Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особенно от покорения его Российской державой по сии времена, кн. 1. Спб., 1750, с. 280.

⁵ Там же, с. 393.

- ⁶ Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1810, с. 14.
- ⁷ Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства, кн. 1, с. 280.
- ⁸ Михельсон О. Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа.— Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. 24, Омск, 1902, с. 2.
- ⁹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее наследников. Харьков, 1889, с. 149.
- ¹⁰ Примечание к описанию путешествия Н. Спафария.— Записки ИРГО по отделению этнографии, вып. 1, т. 10, Спб., 1882, с. 183.
- ¹¹ См.: Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, вып. 1, кн. 14, Омск, 1893, с. 60.
- ¹² См.: Усов Ф. Список населенных мест за 1876 г. Омск, 1877, с. 98.
- ¹³ Торнау Н. Н. К истории российских приобретений в Азии. Спб., 1914, с. 11—15.
- ¹⁴ Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, вып. 1, кн. 14, с. 61.
- ¹⁵ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978, с. 41.
- ¹⁶ Михельсон О. Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа, с. 2.
- ¹⁷ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее — ЦГВИА СССР), ф. 483, оп. 1, д. 120, л. 1.
- ¹⁸ Никитин В. П. Исторический очерк Семипалатинского края.— Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год, с. 145.
- ¹⁹ Одним из первых этот район посетил посол Федор Байков. 2 ноября 1654 г. на пути в Китай он переправился за Иртыш, «простоял неподалеку от Ямышевского озера, побывал там, где стояли семь каменных палат» (где впоследствии была основана Семипалатинская крепость — Ж. К.)— Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Май. Спб., 1755, т. 2, с. 23.
- ²⁰ О наличии золота в этом городе доносил Петру I посланник хивинского хана в 1711 г. См.: Риттер К. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россией.— Восточный Туркестан. Спб., 1859, т. 2, с. 281.
- ²¹ Цит. по кн.: Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982, с. 42.
- ²² Тарле Е. В. Сочинения, т. 12. М., 1962, с. 489.
- ²³ См.: William Elerow Curtis. Turcestan the heart of Asia.— New-York, 1911, p. 336.
- ²⁴ Миллер Г. Ф. О торгах за Каспийское море древних, средних, новейших времен. М., 1765, с. 27.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 366, оп. 1, д. 2, л. 1.

- ²⁷ Там же.
- ²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 240, л. 1.
- ²⁹ Памятники сибирской истории XVIII в. Спб., 1885, кн. 2 (1713—1724), с. 148.
- ³⁰ См.: Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири. Спб., 1887, ч. 2, с. 293.
- ³¹ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 366, оп. 1, д. 2, л. 4.
- ³² Эти сведения были приведены Бухгольцем в его отчете, с которым он выступил перед сенатом 22 января 1719 г.— Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, с. 146; Однако в трудах как советских, так и зарубежных исследователей приводятся и другие, противоречивые данные: 2 902 человека (*Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв.* М., 1978, с. 139); 2 932 человека (*Златкин И. Я. История Джунгарского ханства*, изд. 2-е. М., 1983, с. 226); 1 500 человек — 1 300 пехоты и 2 сотни драгун. (*Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin: Russians trade with China and its setting. 1727—1805 — North Carolina*, 1969, р. 17, 54, 55).
- ³³ См.: Шеманский А. Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям.— Военно-исторический сборник, 1915, № 4, с. 22.
- ³⁴ См.: Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых.— Вестн. ИРГО, 1851, ч. 3, отд. 4, с. 50.
- ³⁵ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 2, с. 127.
- ³⁶ Там же, с. 126—127.
- ³⁷ Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о пребывании его у контайши Цэван-Рабтана (1722—1724).— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. 10, вып. 2. Спб., 1887, с. 172.
- ³⁸ См.: Зиннер Э. П. Известия шведских военнопленных о Сибири. Иркутск, 1961, с. 9. Всего в 1716 г. во время внезапного нападения ойратских войск при Ямышеве и в пути взято в плен 419 человек, погибло и умерло от ран 133 человека.— Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского..., с. 231.
- ³⁹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, изд. 2-е, с. 226.
- ⁴⁰ См.: Веселовский Н. И. Предисловие к записке «Посольство к зюнгарскому хану... капитана от артиллерии Ивана Унковского».— Записки ИРГО, по отделению этнографии, т. 10, вып. 2. Спб., 1887, с. 2.
- ⁴¹ См.: Абрамов Н. Областной город Семипалатинск.— Записки ИРГО, кн. 1, Спб., 1861, с. 131—132.
- ⁴² ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 120, л. 1.
- ⁴³ См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, изд. 2-е, с. 226.

- ⁴⁴ См.: Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных Сибири (1032—1882). Иркутск, 1883, с. 16; Омск стал базой для последующих экспедиций; *Francis Henry Skrine and Edward Denison Ross. The heart of Asia.*—London, 1899, p. 242.
- ⁴⁵ Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin: Russians trade with China and its setting.—North Carolina, 1969, p. 28.
- ⁴⁶ См.: Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 2, с. 127. В 1728 г. И. Д. Бухгольц был назначен комендантом Селенгинской крепости, в 1731 г. получил чин бригадира, 3 марта 1740 г. уволен в отставку. (Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin, p. 28).
- ⁴⁷ Никитин В. П. Исторический очерк Семипалатинского края.—Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. Семипалатинск, 1898. Однако Клиффорд Фауст утверждал, что якобы отряд Бухгольца достиг Яркенда, где «инженеры изрекали местонахождение призрачного золота». Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin: Russians trade with China its setting.—North Carolina, 1969, p. 17.
- ⁴⁸ Абрамов Н. Областной город Семипалатинск, с. 134.
- ⁴⁹ Шеманский А. Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям, с. 31.
- ⁵⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп.1, д. 365, ч. 2, л. 203.
- ⁵¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 132, оп. 1, д. 6, л. 81.
- ⁵² Армстронг И. Семипалатинские древности.—Изв. археологического общества, т. 2, вып. 4. Спб., 1859, с. 203.
- ⁵³ Больверки — каменные сооружения, предназначавшиеся для защиты берега от разрушающей силы воды.
- ⁵⁴ Нор-Зайсан — так называли джунгары в XVII в. это озеро за прокормление их рыбой во время голода: Сайсан, Зайсан — значит благородный. Первым из русских, посетивших озеро Нор-Зайсан и район Черного Иртыша, был боярский сын Федор Байков, посланный в 1654 г. в Китай с грамотой (Архив Всесоюзного географического общества СССР (АВГО СССР), ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 17).
- ⁵⁵ Городские поселения Российской империи. Спб., 1865, т. 4, с. 474.
- ⁵⁶ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 2, с. 185. Вследствие проверки сибирский губернатор был привлечен к судебной ответственности и кончил жизнь на эшафоте. (Ralf Marc. Imperial Russia 1682—1825, New-York, 1971, p. 64).
- ⁵⁷ Архив Всесоюзного географического общества (АВГО СССР), ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 17, об. 18.
- ⁵⁸ Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 году.—Записки ИРГО, 1863, кн. 4, с. 112.
- ⁵⁹ АВГО СССР, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 17, об.

- ⁶⁰ По возвращении в ставку своего отца Цэван-Рабтана Галдан-Цэрэн восхищался храбростью русских людей (См.: Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского, с. 174).
- ⁶¹ Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 году, с. 112.
- ⁶² См.: История Сибири, т. 2. Л., 1969, с. 41.
- ⁶³ Цит. по кн.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, с. 229.
- ⁶⁴ Герасимов Б. Поездка на Рахмановские минеральные ключи.—Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО, Семипалатинск, 1907, вып. 3 (7 пагинация), с. 11.

ЗАЩИТА КАЗАХОВ ОТ ВНЕШНИХ ВТОРЖЕНИЙ

- ¹ См.: Веселовский Н. И. Предисловие к записке «Посольство к Зунгарскому хану...», с. 9.
- ² Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о его пребывании..., с. 105.
- ³ См.: Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири.—Спб., 1912, с. 146.
- ⁴ См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (документы и материалы). Алма-Ата, 1961, с. 19.
- ⁵ См.: Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 году, с. 114.
- ⁶ См.: Гейнс А. Киргизские очерки.—Военный сборник, 1866, № 6, с. 322.
- ⁷ ГААК, ф. 81, оп. 6, д. 6, л. 12; ф. 136, оп. 1, д. 215, л. 9—10.
- ⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 869, оп. 1, д. 56, л. 77.
- ⁹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Спб., 1906, т. 1, с. 74—75.
- ¹⁰ Усов А. Ф. Список населенных мест в 1876 г. Омск, 1877, с. 32.
- ¹¹ ГАОО, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 119.
- ¹² Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890, с. 77.
- ¹³ Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о его пребывании..., с. 101.
- ¹⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов и материалов, с. 194.
- ¹⁵ С.: Зиннер Э. П. Известия шведских военнопленных о Сибири. Иркутск, 1961, с. 9.
- ¹⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов и материалов, с. 194.
- ¹⁷ См.: Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о его пребывании... (приложение), с. 234.
- ¹⁸ Иакинф (Бичурин И. Я.) Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Спб., 1829, с. 144.
- ¹⁹ См.: Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчурская освободительная борьба монгольского народа. Улан-Удэ, 1974, с. 69.

- ²⁰ Тадиев Н. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая.— В кн.: Великая дружба. К 200-летию добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1956, с. 13.
- ²¹ См.: Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII—XIX вв.— В кн.: Вопросы военной истории. М., 1966, с. 267.
- ²² См.: Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974, с. 83.
- ²³ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких орд..., с. 71—72.
- ²⁴ Цитируется по роману А. Алимжанова «Гонец». Алма-Ата, 1974, с. 83.
- ²⁵ См.: Краснов А. Н. Народонаселение и территория казаков европейской и Азиатской России.— Военный сборник, 1878, № 4, с. 259.
- ²⁶ Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 году, с. 113.
- ²⁷ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 6, л. 133.
- ²⁸ Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение..., с. 44.
- ²⁹ Тулебаев Б. А. Добровольное присоединение Казахстана к России и его прогрессивное значение.— В кн.: Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982, с. 47.
- ³⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, с. 35.
- ³¹ См.: Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей.— Оренбург, 1898, с. 22—23.
- ³² В конце декабря 1735 г. выразил согласие принять российское подданство новый хан Средней орды Кучук. Утверждение английского историка Сетон-Уотсона о том, что Средний жуз в 1734 г. вошел в состав Российской империи, правильно лишь отчасти (см.: Seton-Watson. The Russian empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. 55).
- ³³ Земляницин И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. 4. СПб., 1876, с. 5.
- ³⁴ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 276, оп. 1, д. 515, л. 1 об.
- ³⁵ Добромуслов А. Материалы по истории России. Сб. указов и других документов, касающихся управления устройства Оренбургского края. М., 1860, т. 1, с. 63.
- ³⁶ Центральный государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР), ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 183.
- ³⁷ Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции. СПб., 1777, с. 30.
- ³⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 3. Алма-Ата, 1965, с. 237.

- ³⁹ Ledyard S. Courtney. Through Russia and Siberia 1787—1798.— London, 1966, p. 65.
- ⁴⁰ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 14.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках, с. 170.
- ⁴³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 2, Алма-Ата, 1964, с. 237.
- ⁴⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 228.
- ⁴⁵ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 106.
- ⁴⁶ Гейнс А. Киргизские очерки..., с. 322.
- ⁴⁷ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 101 об.
- ⁴⁸ ГАНО, ф. 869, оп. 16, д. 56, л. 214.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 1, л. 215.
- ⁵¹ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). Алма-Ата, 1948, т. 2, ч. 2, с. 121.
- ⁵² Тадиев П. Е. Великая дружба (200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России), с. 13.
- ⁵³ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 106.
- ⁵⁴ См.: Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975, с. 12.
- ⁵⁵ Краснов А. Н. Народонаселение казаков Европейской и Азиатской России, с. 257.
- ⁵⁶ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 14.
- ⁵⁷ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 106.
- ⁵⁸ Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых, с. 4.
- ⁵⁹ Гуляев Г. Заметки об Иртыше..., (3 пагинация), с. 4.
- ⁶⁰ ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 6, л. 3, 20, 26.
- ⁶¹ АВГО СССР, разряд 55, оп. 1, д. 42, л. 19—20.
- ⁶² ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 6, л. 20.
- ⁶³ Там же, л. 26.
- ⁶⁴ Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири. СПб., 1887, т. 3, т. 31.
- ⁶⁵ ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 35, л. 33, 38, 39.
- ⁶⁶ ЦГВИА СССР, ф. 414, д. 419, л. 3, 3 об.
- ⁶⁷ См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней (в пяти томах), т. 3. Алма-Ата, 1979, с. 48.
- ⁶⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 532.
- ⁶⁹ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии, с. 105.
- ⁷⁰ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 55 об.
- ⁷¹ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 26, л. 10—11.
- ⁷² Словцов П. Историческое обозрение Сибири. 1886, кн. 2, с. 263.
- ⁷³ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 30, л. 2.

- ⁷⁴ АВГО СССР, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 19 об.
- ⁷⁵ ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 198, л. 1.
- ⁷⁶ Мусеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII веке. М., 1983, с. 64.
- ⁷⁷ См. более подробно: Мусеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII веке, с. 65—67.
- ⁷⁸ См.: Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири, ч. 3, с. 35.
- ⁷⁹ Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin: Russians trade with China and its setting. 1727—1805 — North Carolina, 1969, p. 256.
- ⁸⁰ См.: Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 308.
- ⁸¹ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 46, л. 1.
- ⁸² Центральный государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР), ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 29
- ⁸³ Крафт И. И. Сборник узаконений для киргиз степных областей (приложения), с. 59.
- ⁸⁴ См.: Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957, с. 109.
- ⁸⁵ Clifford M. Foust. Muscovity and mandarin, p. 252.
- ⁸⁶ С.: Крафт И. Сборник узаконений для киргиз степных областей, с. 59.
- ⁸⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО), ф. 3, оп. 1, д. 56, л. 104.
- ⁸⁸ Из 600 тысяч населения Джунгарского ханства осталось в живых 30—40 тысяч человек, спасшихся бегством в Россию. (См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е, с. 303). По данным дореволюционного автора Усова П. С., в Россию успело уйти 10 000 кибиток.— В кн.: Живописная Россия. СПб., 1885, т. 10, с. 385; в книге Мусеева В. А. «Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII веке» приводятся следующие сведения: $\frac{4}{10}$ ойратов умерли от оспы, $\frac{2}{10}$ бежали в Россию и к казахам; $\frac{8}{10}$ погибли от рук цинских солдат (с. 67).
- ⁸⁹ Катаев Г. Киргизский вопрос..., с. 5.
- ⁹⁰ Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983, с. 30.
- ⁹¹ См.: Ерофеева И. В. Из истории изучения казахского народа в России в XVIII в. (Труды И. Г. Андреева).— Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алматы, 1978, с. 29.
- ⁹² См.: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979, с. 135—137.
- ⁹³ Иикинф (Бичурин Н. Я.). Описание Чжуңгарии..., с. 144.
- ⁹⁴ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 17.
- ⁹⁵ См.: Словцов П. Историческое обозрение Сибири, ч. 2, с. 263.

- ⁹⁶ ГААК, ф. 132, оп. 4, д. 29, л. 51.
- ⁹⁷ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 3, л. 1 об.
- ⁹⁸ АВГО СССР, разряд 69, оп. 1, д. 3, л. 2.
- ⁹⁹ См. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965, с. 125; Колыванская наместничество, в состав которого вошли Ямышевская, Усть-Каменогорская, Бухтарминская, Семипалатинская крепости, было образовано в 1783 г., а с 1797 г. было причислено к Тобольской губернии.
- ¹⁰⁰ См.: Полное собрание ученых путешествий, Спб., 1825, т. 7, с. 22; См.: Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. М., 1871, с. 28, 44; ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, д. 864, л. 8 об.
- ¹⁰¹ См.: История Сибири, Л., 1969, т. 2, с. 191.
- ¹⁰² См.: Словцов П. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, с. 265.
- ¹⁰³ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства, кн. 2, ч. 2, с. 122, 161.
- ¹⁰⁴ АВГО СССР, разряд 55, оп. 1, д. 61, л. 95, 96, 102, 104.
- ¹⁰⁵ С 1813 г. училище было переименовано в войсковое училище, затем в кадетский корпус. Здесь с 1847 по 1853 г. учился Чокан Валиханов.
- ¹⁰⁶ Катанаев Г. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии.— В кн.: Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описаниям Г. Н. Потанина, с. 197.
- ¹⁰⁷ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 49.
- ¹⁰⁸ Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Семипалатинск, 1901, с. 15—16.
- ¹⁰⁹ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 21.

ТОРГОВАТЬ — ВЫГОДНО ВСЕМ

- ¹ ЦГА КазССР, ф. 493, оп. 1, д. 1, л. 1.
- ² ЦГАДА, ф. 276, оп. I, д. 516, л. 6—7.
- ³ См.: Радлов В. Сибирские древности. Спб., 1888, (2 пагинация), с. 52.
- ⁴ ГАОО, ф. 366, оп. I, д. 323, л. 20.
- ⁵ Никитин В. П. Исторический очерк Семипалатинского края.— В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. Семипалатинск, 1898.
- ⁶ Сборник статистических и исторических сведений о Сибири. Спб., 1876, вып. 1, т. 2 (1 пагинация), с. 52.
- ⁷ Веселовский Н. И. Посольство... капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг.— Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Спб., 1887, т. 10, вып. 2, с. 27.
- ⁸ Там же.

- ⁹ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 12.
- ¹⁰ Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882, с. 213—220.
- ¹¹ См.: Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири. СПб., 1887, т. 3, с. 142.
- ¹² См.: Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю.—Записки РГО по общей географии, т. 1, Спб., 1867, с. 475.
- ¹³ См.: Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли..., с. 5.
- ¹⁴ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири, ч. 1, Л., 1935, с. 483.
- ¹⁵ См.: Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю.—Записки ИРГО по общей географии, т. 1, с. 475.
- ¹⁶ ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 215, л. 116.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 515, л. 16 об.
- ¹⁸ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 323, л. 20.
- ¹⁹ См.: Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983, с. 84—87.
- ²⁰ В Ямышевскую крепость бухарские купцы в основном приезжали в летние месяцы. См.: Миллер Г. Ф. Описание о торгах сибирских, с. 28.
- ²¹ Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю... с. 480.
- ²² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1961, с. 377.
- ²³ См.: Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 37.
- ²⁴ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 323, л. 20.
- ²⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., кн. 2, ч. 2, с. 196.
- ²⁶ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 52.
- ²⁷ См. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв., с. 328.
- ²⁸ См.: Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М., 1881, кн. 2, с. 224.
- ²⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 3.
- ³⁰ См.: Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска, с. 7.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 597, л. 60.
- ³² См.: Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, ч. 2, с. 244.
- ³³ ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 15, л. 33.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 16 об. Это означало фактическую отмену положения 1740 г., по которому казахов для торговли в крепости допускалось не свыше 25 человек за один раз.

См.: Завалишин И. Описание Западной Сибири, ч. 3. СПб., 1867, с. 81.

³⁵ См.: Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв., с. 329.

³⁶ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 158, л. 9.

³⁷ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 47, л. 145.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, д. 864, л. 8 об.

³⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 107, д. 2873, л. 7, 8.

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 473, оп. 2, д. 36, л. 61.

⁴¹ Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири, т. 4, СПб., 1887, с. 201.

⁴² ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 101.

⁴³ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 58 об.

⁴⁴ Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского, с. 17.

⁴⁵ Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь по поручению академика Фалька.— Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1825, т. 7, с. 19—20.

⁴⁶ АВГО СССР, разряд 69, оп. 1, д. 3, л. 2 об.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 8.

⁴⁸ Влиятельный султан Аблай (1711—1781 гг.) в 1771 г., после смерти хана Абулмамбета, резиденция которого находилась в Туркестане, стал ханом Среднего жуза. Как дальновидный дипломат, государственный деятель он, в основном, служил интересам своего народа, укрепляя дружбу с великим русским народом. (См.: Сулейменов Б. М., Касымбаев Ж. К. О международных отношениях в Центральной Азии.— Изв. АН КазССР, серия общественных наук, 1980, № 5, с. 80).

⁴⁹ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 47, л. 142, об.

⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 478, оп. 2, д. 15, л. 31.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 112, л. 66, л. 2.

⁵² Там же, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 67.

⁵³ Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871, с. 45; АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 14, л. 43 об.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 104 об.

⁵⁵ Систематический каталог по делам Государственной коммерц-коллегии (составитель Н. Кайданов). Спб., 1884, с. 9.

⁵⁶ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии, с. 216.

⁵⁷ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 51, 52, об.

⁵⁸ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 47, л. 142. В 1777 г. в Семипалатинскую крепость было доставлено товаров на сумму 72 015 руб. серебром.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 112, д. 66, л. 2.

⁶⁰ Систематический каталог по делам Государственной коммерц-коллегии (составитель Н. Кайданов). Спб., 1884, с. 9.

- ⁶¹ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 59.
- ⁶² ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 3.
- ⁶³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск, 1900, с. 263.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 316, л. 2; Среди выходцев из Средней Азии было немало людей, которые, приняв Российское подданство, посещая казахскую степь и другие азиатские страны, «оказывали заслуги и держали себя в непоколебимой верности». (ГАТО, ф. 2, д. 6, л. 2).
- ⁶⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 146.

УКРЕПЛЯЮЩИЕ РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ

- ¹ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 21.
- ² ЦГИА СССР, ф. 1251, оп. 81, д. 12, л. 48.
- ³ Там же, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 3.
- ⁴ Земляницын Н. И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли.—Материалы для статистики Туркестанского края. Спб, 1876, вып. 4, с. 5, 6.
- ⁵ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 3 об.
- ⁶ Крафт И. И. Сборник узаконений для киргиз степных областей (приложения). Оренбург, 1898, с. 143.
- ⁷ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 269.
- ⁸ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 81, д. 12, л. 36.
- ⁹ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 229—299 об.
- ¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 9 об.
- ¹¹ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 978, л. 1; д. 1071, л. 3, 851.
- ¹² Там же.
- ¹³ Это выяснилось при расследовании, произведенном по распоряжению сибирского губернатора. (ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1071, д. 31).
- ¹⁴ ЦГИА СССР, оп. 2, д. 726, л. 15.
- ¹⁵ Там же, л. 4.
- ¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, л. 25947, л. 8.
- ¹⁷ Там же, д. 26000, л. 88 об.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 2.
- ¹⁹ ГАТО, ф. 2, оп. 2, д. 3, л. 33.
- ²⁰ Успенский Д. Из истории русских сношений с народами Востока.—Русская мысль, 1904, отд. 2, с. 55.
- ²¹ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 158, л. 47 об.
- ²² ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 3 об.
- ²³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 347, л. 1.
- ²⁴ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1107, л. 12.
- ²⁵ ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 3 об.

- ²⁶ Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, ч. 3, с. 217.
- ²⁷ См.: Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810, с. 56.
- ²⁸ ГАОРОб, ф. 166, оп. 1, д. 6, л. 29 об.
- ²⁹ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1107, л. 9 об.
- ³⁰ Ralff Marc. Siberia and reforms. 1822. New-York, 1956, p. 13.
- ³¹ Фатеева А. М. М. Сперанский — генерал-губернатор Сибири.— Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге, т. 12. Прага, 1942, с. 16.
- ³² Область сибирских киргизов заключала в своем составе 7 округов: Каркаралинский, Кокчетавский, Кушмурунский, открытые в 1824 г., Кокпектинский, Аягузский — в 1831 г., Акмолинский, Баянаульский — в 1832 г. Область сибирских киргизов была упразднена в 1854 г. в связи с образованием новых административных единиц: Акмолинской, Семипалатинской областей, позднее (1866 г.) — Семиреченской области.
- ³³ Устав об управлении инородцев в Сибири.— Учреждения для управления Сибирских губерний, ч. 2. СПб., 1832, с. 9.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 316, л. 3.
- ³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 94.
- ³⁶ Тобольск являлся центром Западной Сибири, и в подчинение ему тогда отошли некоторые районы Казахстана.
- ³⁷ ГАОО, ф. 3, оп. I, д. 337, л. 4.
- ³⁸ По «Уставу об управлении сибирскими киргизами» к внутренним округам относились города: Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.— Учреждения для управления Сибирских губерний, ч. 2. с. 50.
- ³⁹ См.: Старков Г. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях (2 пагинация), с. 61 (год изд. не указан).
- ⁴⁰ Подсчет наш. ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 1, д. 10, л. 3.
- ⁴¹ ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 1, д. 13, л. 3.
- ⁴² Там же, д. 19, л. 3, 4.
- ⁴³ Там же, д. 10, л. 3.
- ⁴⁴ Там же, д. 35, л. 8 об.
- ⁴⁵ Там же, оп. I, д. 35, л. 12, 12 об.
- ⁴⁶ Там же, оп. 2, д. 13, л. 3 об.; д. 35, л. 9.
- ⁴⁷ Там же, д. 38, л. 198; ф. 798, оп. I, д. 26, л. 62—67.
- ⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 49 об.
- ⁴⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1920, 9, ч. 2, л. 80, 277.
- ⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. I, д. 1275, л. 40.
- ⁵¹ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века. М., 1949, с. 202.

- ⁵² ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 544, л. 5; д. 1657, л. 32.
- ⁵³ ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3049, л. 2.
- ⁵⁴ См.: *Идаров С. И.* Киргизская степь и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. СПб., 1855, с. 15.
- ⁵⁵ В начале 40-х гг. XIX в. пошлины доходы по Семипалатинской таможне также были значительнее, чем по другим. См.: *Аарон Пальмер.* Записки о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб., 1910, с. 29.
- ⁵⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3049, л. 1.
- ⁵⁷ См.: *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства.— Вестн. ИРГО, 1855, кн. 2, с. 27, 29.
- ⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 5, д. 137, л. 34.
- ⁵⁹ Там же, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 40, об; оп. 13, д. 19, л. 25.
- ⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 798, оп. 1, д. 10, л. 1, 6.
- ⁶¹ Подсчет наш. Там же, л. 1—8.
- ⁶² Там же, л. 43, 219, 233.
- ⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 10, л. 2—2 об.
- ⁶⁴ АВГО СССР, разряд 69, оп. 1, д. 3, л. 3. В 1862 г. Коряковская станица была переименована в город Павлодар.
- ⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 88, л. 6 об.
- ⁶⁶ ЦГА КазССР, ф. 798, оп. 1, д. 25, л. 7 об.
- ⁶⁷ Там же, л. 1, 18, 25.

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

- ¹ См.: Партийная жизнь Казахстана, 1981, № 12, с. 15.
- ² См.: *Тажибаев Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962, с. 439.
- ³ ГАОО, ф. 3, оп. I, д. 696, л. 32.
- ⁴ ГААК, ф. 132, оп. I, д. 18, л. 10.
- ⁵ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 81, д. 126, л. 1, 2.
- ⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 696, л. 32.
- ⁷ Там же, л. 27.
- ⁸ Записки ИРГО, кн. I, СПб., 1861, с. 147.
- ⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 696, л. 40.
- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 83, д. 113, л. 3.
- ¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 2, д. 12, л. 395—396.
- ¹² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 83, д. 113, л. 5.
- ¹³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 338, л. 107.
- ¹⁴ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 101, л. 144—144 об.
- ¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 6, д. 177, л. 4.
- ¹⁶ Там же, л. 4—13.
- ¹⁷ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 173, л. 8—8 об.
- ¹⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. I, д. 53, л. 2.

¹⁹ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 174, л. 40 об.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 2, д. 12, л. 396.

²¹ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 52, 97 л. 30.

²² ГАТО, ф. 125, оп. 2, д. 296, л. 4; д. 281, л. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Иртыш, 1968, 3 августа.

² Семипалатинск. Алма-Ата, 1984, с. 217.

³ Иртыш, 1982, 13 июня.

⁴ Кунаев Д. А. Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Казахстана XV съезду Коммунистической партии Казахстана.— Алма-Ата, 1981, с. 12.

⁵ Соколкин Э. Д. Павлодар (историко-информационный путеводитель).— Алма-Ата, 1982, с. 44, 52, 64.

⁶ См. Кунаев Д. А. Советский Казахстан. М., 1982, с. 57—58.

⁷ Рудный Алтай, 1980, 28 августа.

⁸ Известия, 1983, 26 мая.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НА РУБЕЖЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА	12
ЗАЩИТА КАЗАХОВ ОТ ВНЕШНИХ ВТОРЖЕНИЙ	29
ТОРГОВАТЬ — ВЫГОДНО ВСЕМ	61
УКРЕПЛЯЯ РУССКО-КАЗАХСКИЕ СВЯЗИ	79
РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
БИБЛИОГРАФИЯ	119

Жанузак Касымбаевич Касымбаев

ПОД НАДЕЖНУЮ ЗАЩИТУ РОССИИ

Редактор *К. Н. Максимович*

Художник *А. С. Садвокасов*

Художественный редактор *О. И. Шиленко*

Технический редактор *Ф. Г. Илизова*

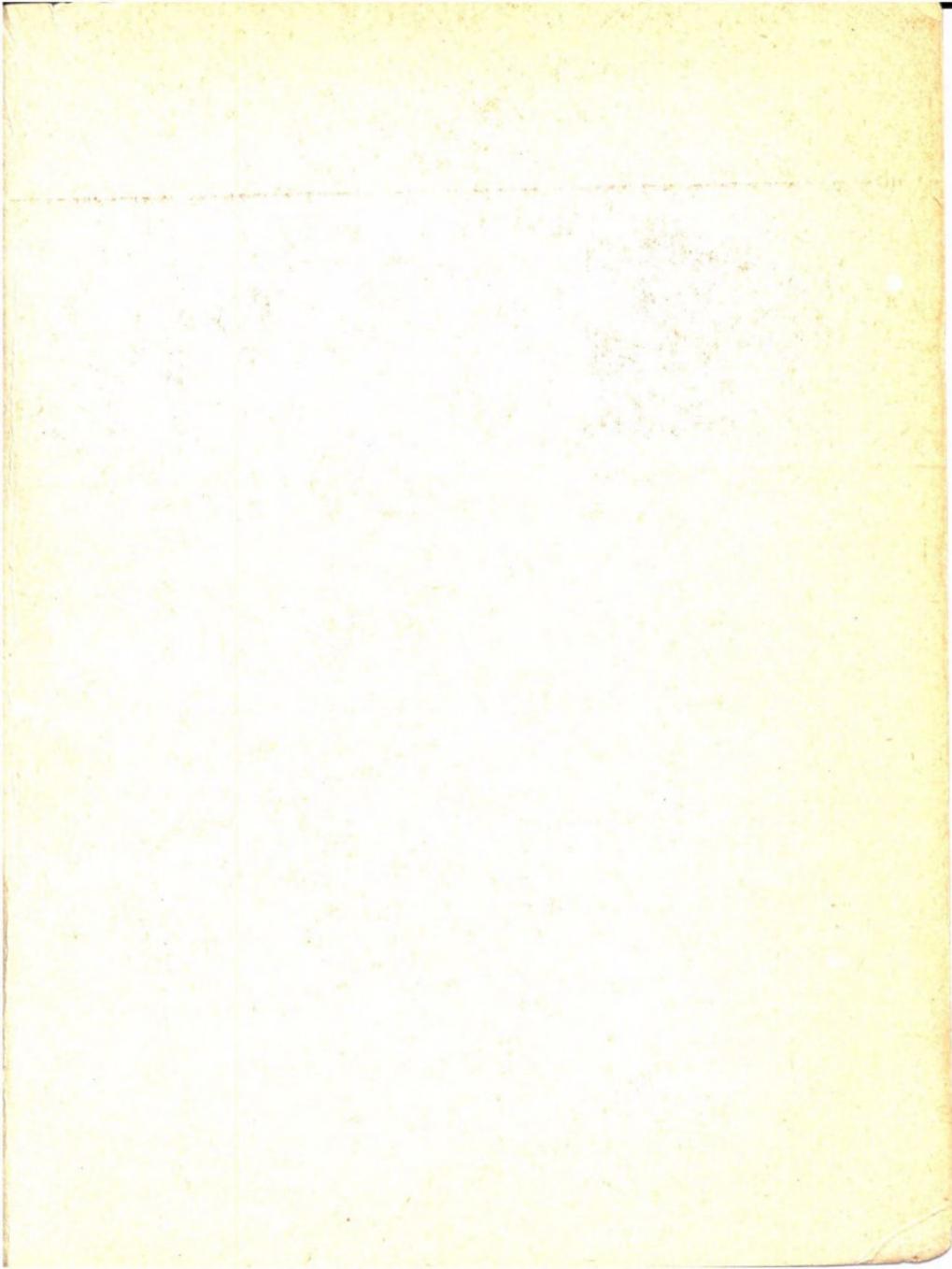
Корректор *Н. К. Жолумбетова*

ИБ № 2792

Сдано в набор 17.09.85. Подписано в печать 17.01.86. УГ17010. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,95. Усл.
кр.-отт. 6,2. Уч.-изд. л. 6,43. Тираж 6000 экз. Заказ № 2961. Цена 20 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета
Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124,
г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий
«Китап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93.

20 K.

